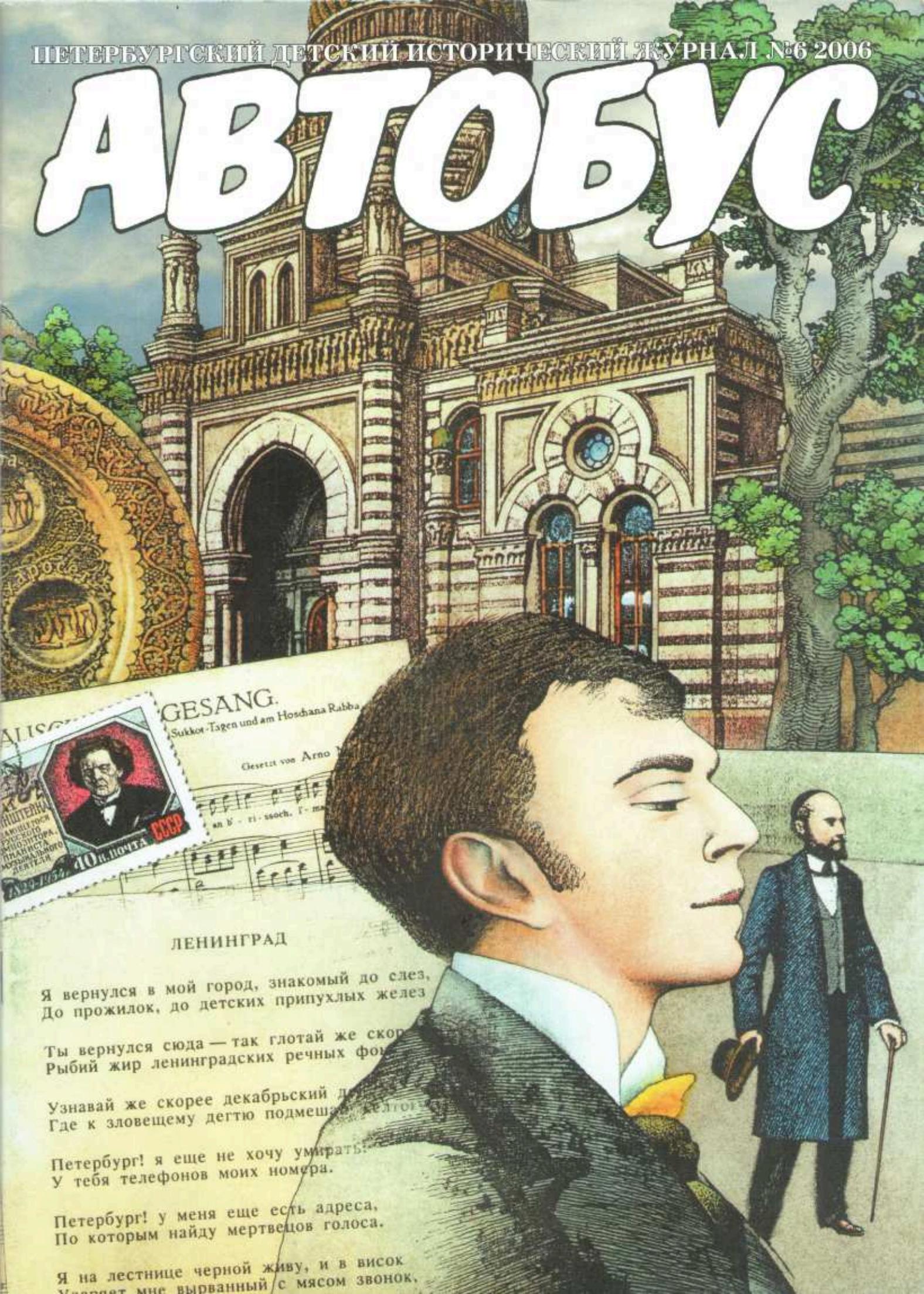

АВТОБУС

ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез

Ты вернулся сюда — так глотай же скор
Рыбий жир ленинградских речных фонов.

Узнавай же скорее декабрьский десерт
Где к зловещему дегтя подмешаны желтоки

Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвцевов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

ВЫПУСКНЫЕ ВЕЧЕРА

ВЫПУСКНЫЕ ВЕЧЕРА
для 4-х, 9-х и 11 классов
во дворцах,
ресторанах,
и клубах

развлекательная программа,
дискотека, конкурсы, концерт
теплоходная и автобусная экскурсии

транспортное обслуживание
оформление помещений
охрана

видеосъёмка

меню согласуется с заказчиком

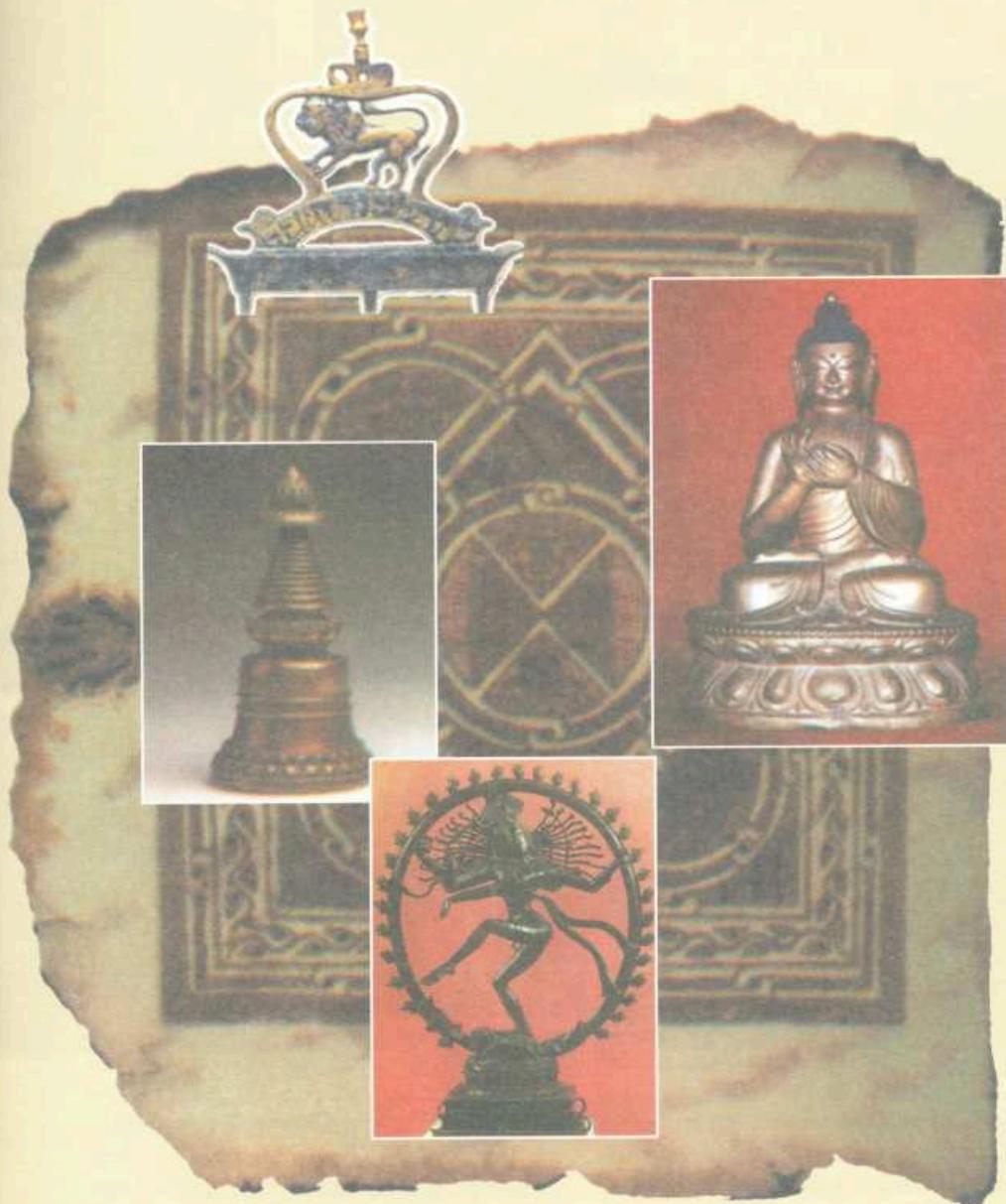
КОНКУРС
Мисс выпускница!
Мистер выпускник!

Россия, Санкт-Петербург, 191186, Невский проспект 44, офис 4

Интернет [Http://www.eclectica.ru](http://www.eclectica.ru)

E-mail: prazdnik@eclectica.spb.ru

тел./факс (812) 710-5954, 710-5942, 710-4671, 710-4677

**Лицом к священному
ковчегу
стр. 2**

**Барон Гинцбург
и дворянин Стасов
стр. 7**

**«Под крылом
могучего орла»
стр. 12**

**«Величайший
интуитивист
современности»
стр. 17**

**Вокруг света
без виз и паспортов
стр. 22**

**Дылда
стр. 27**

**Содержание
журнала
за 2006 год
стр. 32**

СЛОВАРЬ

СЛОВАРЬ составлен на
основе данных из:
Краткой Еврейской
энциклопедии:
Иерусалим, 1976-2005.

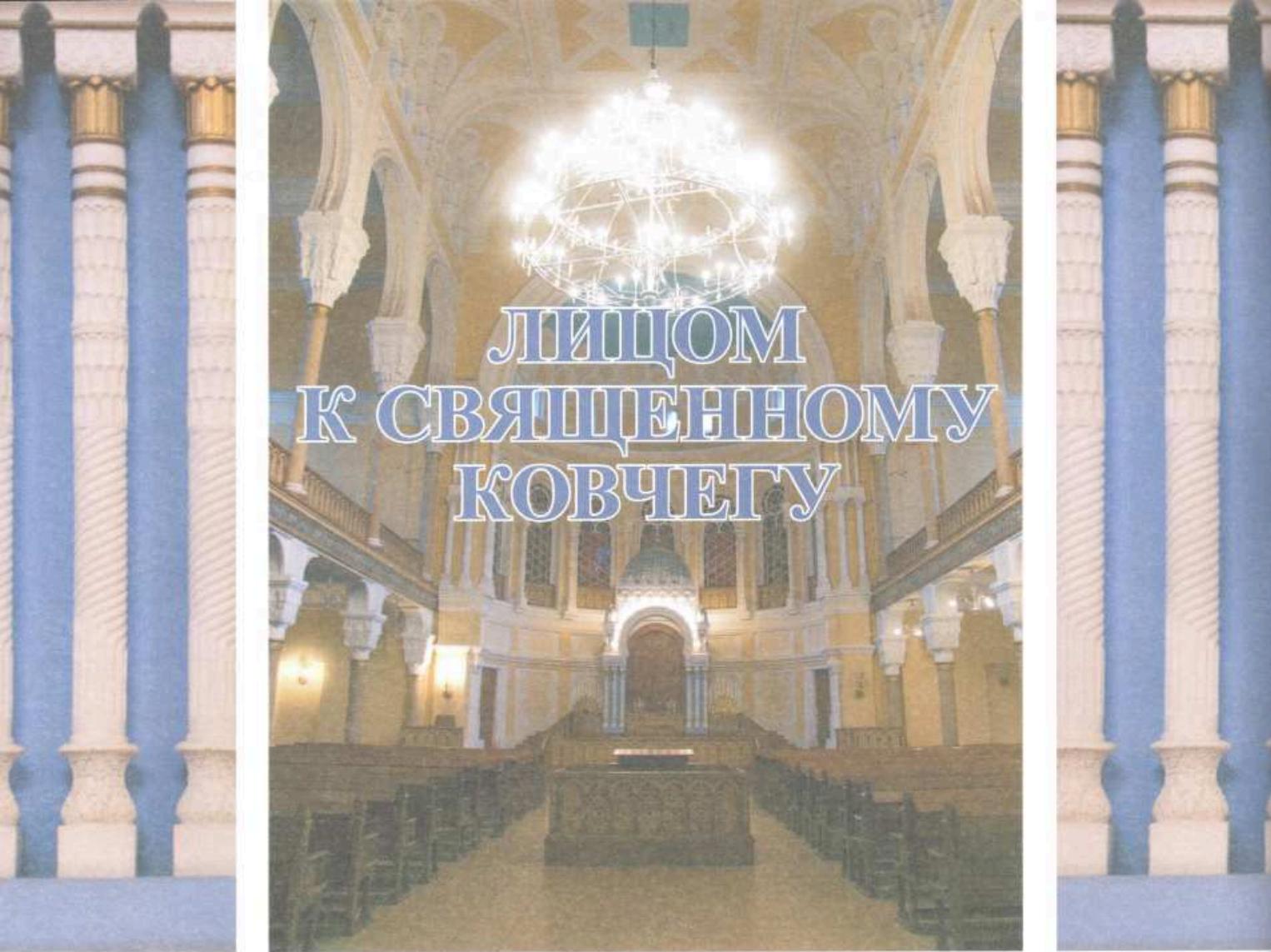

Рассказом об Иудаизме и Буддизме мы завершим разговор о бытованиях мировых религий в Санкт-Петербурге, начатый нами год назад. Расскажем о строительстве Синагоги и о русском критике В.В. Стасове, приложившем немало усилий для её постройки, о Буддийского храме и об учении художника и философа Николая Периха, стремившегося соединить мудрость Востока с этикой Запада и Православной церкви. Некоторые считают учение Периха религией XXI века.

В этом номере вы найдёте продолжение рассказа об истории отправленных в 1918-19 годах за Урал петроградских детей, которые совершили потом вынужденное кругосветное путешествие.

Словарь мы посвятили Иудаизму, ибо немало понятий из культуры иудаизма перешло и в наш быт.

В последних номерах у нас совсем не оставалось места для публикации читательских писем, но это не значит, что мы не любим их получать, и нам неинтересно ваше, друзья, мнение о журнале и о темах, которые мы затрагиваем. Пишите, мы обязательно будем публиковать самые интересные письма. А если вы любите сидеть за компьютером, найдите в интернете Живой Журнал Главного редактора (<http://igor-voevodsky.livejournal.com>) и напишите прямо туда.

Большая Хоральная Синагога. Внутренний вид

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

**МАРГАРИТА
АЛЬБЕДИЛЬ**
сотрудник
Кунсткамеры

Евреи – один из немногих народов на земле, вынужденных на протяжении многих столетий жить за пределами своей родины, Израиля. Странствуя по всему миру и приходя в новую страну или новый город, они обычно приносили туда и свою религию, иудаизм. Её название образовано от слова Иуда: так произносится имя, звучащее на иврите примерно как «Иегуда», а еврей на иврите – «иегуди». Иудаизм, таким образом – национальная религия евреев, связанная с их рождением и их историей.

Но национальное в этой религии приобрело универсальный размах. Именно евреи познакомили многие народы с Библией, Книгой книг. Библейские тексты создавались сотни лет, и со време-

менем приняли форму отдельных книг, каждая из которых имеет своё название. На иврите Библию называют Танах. Это слово составлено из начальных букв наименований трёх разделов, на которые традиция делит Библию: Тора (Пятикнижие), Невиим (Пророки) и Кетувим (Писания). Правившие иудаизма признают ту часть Библии, которая известна как Ветхий Завет. Христианская религия основывается на Новом Завете.

Библейский канон был окончательно установлен в начале новой эры, но Библия и поныне остаётся самой распространённой в мире книгой, она переведена на сотни языков. И на Руси после принятия христианства она стала самой читаемой книгой. Именно

она формировало религиозное и обыденное сознание наших соотечественников, учила отличать добро от зла, истину от заблуждения и правду от лжи. В течение столетий Библия вдохновляла на создание великих творений поэтов и художников, музыкантов и скульпторов. Притчи, пословицы, поговорки, отдельные фразы и даже слова из Библии вошли в нашу повседневность. «Бальзам на раны», «бить себя в грудь», «авилонское столпотворение», «всему своё время», «вера без дел мертвца», «грабить награбленное» – эти и многие другие библейские выражения вошли в плоть и кровь русского и других языков. Таким образом, главное национальное произведение еврейского народа, отражающее его религиозное мышление, общественные идеалы, древний эпос и лирическую поэзию, стало фундаментальным вкладом в мировую культуру.

Соединение иудаизма с другими религиями и культурами иногда порождало оригинальный религиозный синтез, при котором еврейские религиозные идеи «прорастали» на другой культурной почве. Так было, например, в эллинистическом мире и в Римской империи, где даже возникла своеобразная интеллектуальная мода на иудаизм. Достаточно вспомнить Филона Александрийского (I в. до н.э. – I в. н.э.), пытавшегося истолковать откровения Торы в терминах греческой философии. Не потому ли великий полководец Александр Македонский, заложив в 332 году до н.э. новую столицу Александрию, переселил туда несколько тысяч евреев, что предвидел возможности для такого синтеза?

Первый российский император Пётр Великий его примеру не последовал. В Санкт-Петербурге при Петре жили считанные единицы евреев, да и те были крещёными. Среди них выделялись разнообразными заслугами генерал-почтмейстер Пётр Павлович Шафиров, род которого по мужской линии угас к концу XVIII века, Антон Мануйлович Дивьер,

адъютант Петра Великого, камердинер царя Пётр Вульф и его «учёный шут» Ян д'Акоста. Некрещёные евреи – дипломаты, финансисты, поставщики двора, торговые агенты – могли появляться в столице только по делам и ненадолго.

Что было тому истинной причиной? Особенности европейской веры, капризы петербургского климата или что-нибудь другое? Как бы то ни было, кёнигсбергский раввин Эпштейн писал в конце XVIII века: «Провидением предуказано, чтобы евреи не жили в Санкт-Петербурге, так как в летние месяцы ночи нет (белые ночи) и, следовательно, невозможно определить время утренней и вечерней молитв». Некрещёные евреи смогли жить постоянно в городе на берегах Невы только при Екатерине II, т.е. во второй половине XVIII века.

А в следующем веке сложилась религиозная европейская община. Её образование началось с кладбищенских дел. В столице ими ведало православное духовенство, которое не предоставляло евреям места для погребения. Лютеране оказались отзывчивее. В 1802 году был заключён договор с Церковным советом Евангелическо-лютеранской Общины Св. Павла о предоставлении евреям участка на принадлежавшей ей части кладбища. Этот год и считается

Большая Хоральная Синагога. Внешний вид

БИБЛИЯ – священная книга многих народов, исповедующих иудаизм и христианство.

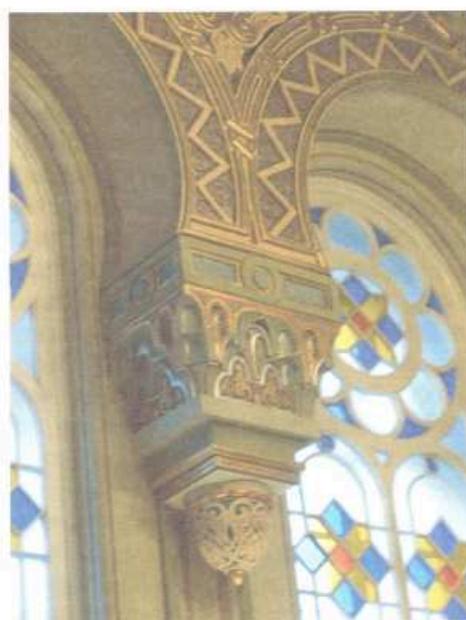
Библия – латинское слово (означает – книга или писание). По-еврейски Библия называется Танах – по начальным слогам её

Б

главных частей – Тора (Пятикнижие), Невиим (Пророки книги) и Ктувим (Писания).

Библия как книга складывалась в течение нескольких веков и вобрала в себя мудрость многих народов Малой Азии и Северной Африки.

Она выразилась в виде сказаний, религиозных законов, исторических легенд, философских и поэтических откровений, таких как «Песнь Песней», псалмы Давида, «Екклезиаст».

временем образования религиозной общины евреев в Петербурге. Её основателем был купец Нота Хаимович Ноткин (?-1804), выходец из белорусских земель, находившихся под властью Польши. Польский король даровал ему за заслуги чин надворного советника. Став русским подданным, Н.Х. Ноткин был поставщиком армии ещё при Г.А. Потёмкине и не раз рисковал жизнью, доставляя армии провиант и фураж. Император Павел I, оценив его усилия, подарил ему имение в Могилёвской губернии, а Александр I пожаловал золотую табакерку с бриллиантами.

Во второй половине XIX века, в царствование Александра II, в столице на законных основаниях стали появляться первые еврейские молельни. Одна из них находилась в здании 2-го Петербургского военного госпиталя (ныне Военно-медицинская Академия на ул. Лебедева, 6), другая – в здании 1-го Петербургского военного госпиталя (Суворовский пр., 63). Открывались они и в других местах Петербурга, как официально, так и полулегально.

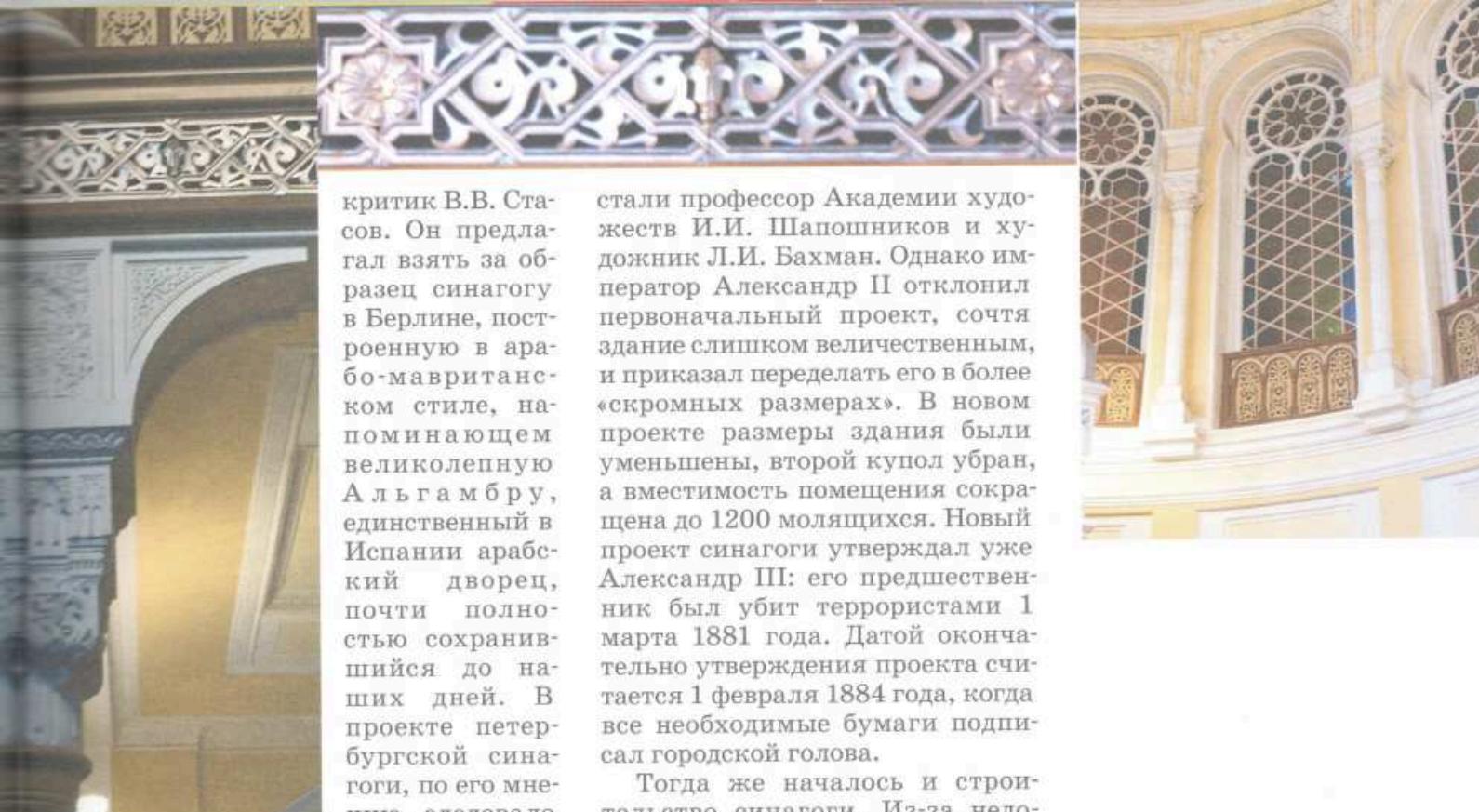
Между тем, в столице росло еврейское население, исповедовавшее свою национальную религию. Однако жили евреи разрозненно. По-настоящему их могла бы объединить официально действующая еврейская община и синагога – место для молитвенных собраний (на иврите *бейт-кнессет*). За их организацию взялся Давид Фадеевич Фейнберг (1840-1916). Молодой и энергичный человек, он побывал за границей, видел там образцовые еврейские общины и горел желанием устроить и в Санкт-Петербурге общину, которую бы официально признали власти. Первым решительным шагом в этом направлении могло стать открытие хоральной синагоги.

Её открыли, но вначале – времennую. Она находилась на Вознесенском проспекте в «доме Пальгунова» (д. 54, кв. 5), кстати, одном из немногих пятиэтажных

домов того времени. В 1868 году, на праздновании еврейского Нового года впервые в Санкт-Петербурге прозвучали торжественные синагогальные напевы. Молельня была переполнена, все присутствующие были воодушевлены, но власти не торопились официально признавать эту синагогу.

Наконец, в 1869 году было получено высочайшее разрешение на строительство хоральной синагоги, уже не временной. Для неё долго выбирали место: по указу царя, в шестидесяти саженях от будущей синагоги не должно было находиться православной церкви, пусть даже домашней. Такое место нашли на углу Офицерской улицы и Большой Мастерской улицы (с 1912 года вошла в состав Лермонтовского проспекта). Из-за чиновничьей волокиты Правление еврейской общины Петербурга купило участок только десять лет спустя, в 1879 году.

По поводу облика будущего здания в 1872 году в печати высказывался известный художественный

критик В.В. Стасов. Он предлагал взять за образец синагогу в Берлине, построенную в арабо-мавританском стиле, напоминающем великолепную Альгамбуру, единственный в Испании арабский дворец, почти полностью сохранившийся до наших дней. В проекте петербургской синагоги, по его мнению, следовало «более даровито развить этот стиль» и использовать «некоторые собственно еврейские орнаментальные мотивы». Он писал: «Они настолько родственны с формами арабской архитектуры, что никак не производили бы дисгармонии, а между тем придали бы постройке характерный еврейский отпечаток. Я разумею некоторые формы ботанические (вигноградная кисть, гранат, лилии, своеобразная еврейская листва и др.), а также некоторые формы геометрические (звезды, известные сплетения, узловатости, формы капителей и др.)».

Был объявлен конкурс на составление проекта здания синагоги. Его победителями

стали профессор Академии художеств И.И. Шапошников и художник Л.И. Бахман. Однако император Александр II отклонил первоначальный проект, счтя здание слишком величественным, и приказал переделать его в более «скромных размерах». В новом проекте размеры здания были уменьшены, второй купол убран, а вместимость помещения сокращена до 1200 молящихся. Новый проект синагоги утверждал уже Александр III: его предшественник был убит террористами 1 марта 1881 года. Датой окончательно утверждения проекта считается 1 февраля 1884 года, когда все необходимые бумаги подписал городской голова.

Тогда же началось и строительство синагоги. Из-за недостатка средств оно затянулось на долго и завершилось только в ноябре 1893 года. Торжественное открытие нового здания состоялось 8 декабря в 1 час дня. На следующий день в газетах по этому поводу писали: «Вчерашний день – 8 декабря – стал для русских евреев вообще и для петербургских в особенности большим праздником, который, наверное, будет занесён на скрижали еврейской истории. В этот день происходило освящение первой в России по грандиозности и богатству еврейской синагоги. Этого торжественного дня петербургские евреи ждали с возрастающим нетерпением». Восторженно описывалось и новое здание: «Новая синагога представляет собой красивое, с большим куполом здание. В нескольких местах установлены украшения в виде красивых узорчатых ваз. Здание выкрашено в светло-жёлтую краску, а купол в серебристо-серый цвет».

Ко времени открытия синагоги в Санкт-Петербурге действовало восемь официально признанных постоянных еврейских молелен. Первая, для образованных евреев, находилась «У Египетского моста, в доме Г.О. Гинцбурга», на набережной реки Фонтанки, 143. Вторая, Купеческая, распо-

Б

БИБЛИЯ состоит из Ветхого (древнего) и Нового Заветов. Ветхий Завет есть воплощение Законов Моисеевых, данных пророку Богом.

Новый Завет – учение Иисуса Христа, Сына Человеческого и Сына Божьего. Ветхий Завет

состоит из 39 книг.

Новый Завет включает в себя четыре Евангелия,

книги Деяний и

Посланий апостолов и Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис).

Во дворе Синагоги установлена фотография Иерусалимской Стены Плача

Справа фрагменты ограды с орнаментом из еврейской рукописи Х века

ИЕШИВА,
в еврейской истории
название высшего
религиозного учебного
заведения,
предназначенного для

И

изучения главным образом Талмуда. В некоторые эпохи иешива выполняла законодательные и судебные функции. В последние столетия в ней подготавливали учёных к званию раввина. Для обозначения древней иешивы в европейских языках употребляется термин «академия». Сейчас так у евреев принято называть среднее религиозное учебное заведение.

лагалась на набережной Екатерининского канала, 96/1. Третья, Песковская, помещалась в Ковенском пер., 28. Кроме них, были «Молельня у Сампсониевского моста», иначе называемая Выборгской, «в доме Яковлева» (Сампсониевский пр., 18); Василеостровская (3-я линия В.О., 56); Обуховская (Б. Царскосельский пр., 13); Семёновская (Малодетскосельский пр., 39) и Ремесленная, известная также под названием Малковская – в Малковом переулке (ныне пер. Бойцова).

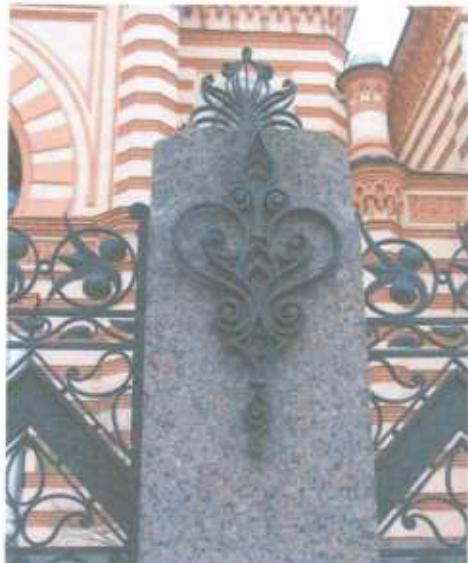
Действовало в столице и несколько полулегальных еврейских молелен: на Малой Подъяческой ул., «в бывшем доме Томашева»; на Охте, для отставных солдат; на Петербургской стороне – и в других местах.

После освящения главного здания новой синагоги молельни переехали в неё. Однако ещё в конце XIX века, во время больших религиозных праздников, например, еврейской Пасхи, в некоторых квартирах устраивались временные молельни и там совершались богослужения. По установлениям иудаизма, человек может молиться и у себя дома, и в синагоге, но есть молитвы, которые могут быть только совместными. Строго говоря, молитва должна сопровождать каждый шаг человека. Ведь молитва в иудаизме – это обращение к Богу и разговор с ним без всяких посредников, когда необходима глубокая сосредоточенность. «Когда ты молишься, знай, перед Кем ты стоишь», – говорил один из мудрецов Талмуда.

Все молящиеся в синагоге обращаются лицом к «священному ковчегу» арон-кодеш – так называется шкаф, где хранятся свитки Торы. Он стоит у стены, ориентированной на священный город Иерусалим – главное культовое место, избранное Господом и данное евреям, чтобы служить в нём Богу. Именно туда библейский царь Давид перенёс священный символ – Ковчег Завета. С древнейших времён он был святыней израильских племён и символом

их связи с божественными силами, под покровительством которых они находились. Согласно библейскому описанию, это был небольшой ларец, в котором хранились Скрижали Завета – две каменные плитки с начертанными на них главными заповедями, которые Моисей получил от Всевышнего на горе Синай.

После постройки синагоги окрестные кварталы стали быстро заселяться еврейскими семействами – обычайтелями, торговцами, чиновниками, религиозными служителями, врачами, купцами. Строительство Хоральной синагоги способствовало расцвету «еврейского ренессанса» в Петербурге, пришедшегося как раз на 1890-1910-е годы.

БАРОН ГИНЦБУРГ и дворянин Стасов

ЮРИЙ КРУЖНОВ

редактор журнала «Автобус»

В истории строительства Большой хоральной синагоги в Петербурге – а эта история длилась 25 лет – особо важную роль сыграли два человека – глава петербургской Еврейской общины, финансист и промышленник Гораций Евзелевич (Осипович) Гинцбург – и знаменитый русский критик, всю жизнь посвятивший развитию русского национального искусства – Владимир Васильевич Стасов. Этих двух выдающихся людей объединило в их устремлениях не только безбрежное поле искусства, не знающее политических раздоров и национальной ограниченности, но и тесные дружеские отношения.

Барон Гораций Гинцбург, основавший в 1859 году со своим отцом крупнейший в России банк (это был первый в России банк известного нам теперь типа) был человеком либеральных взглядов, сторонником «штадланута» – идеи представительства евреев перед правительством страны, где они живут, и сохранения национальных и религиозных традиций при полном уважении евреев к законам этой страны и взаимодействии с её культурой. Но Гораций Евзелевич был не только деятелем Еврейской общины (и в течение 40 лет её главой), он принимал активное участие в делах

го-
ро-
д а ,
был
депу-
татом
Город-

ской
думы. Он
был од-
ним из крупней-
ших российских меценатов, и
при его финансовом участии и его
энергией были созданы в Петер-
бурге Институт археологии, Ин-
ститут экспериментальной меди-
цины и некоторые другие науч-
ные и учебные учреждения. Он
материально поддерживал мно-
гих деятелей культуры, учреж-
дал стипендии для особо одарен-
ных учеников Консерватории,
Академии художеств. Среди его
стипендиатов были скульпторы
Марк Антокольский, Илья Гинц-
бург, поэт Самуил Маршак, ху-
дожник Марк Шагал. На «вече-
рах» в самом роскошном из осо-
бняков Гинцбурга, занимавшем
целый квартал между Конно-
гвардейским бульваром и Галер-
ной улицей, часто бывали М.М.
Антокольский, И.С. Тургенев,
М.Е. Салтыков-Щедрин, И.Е. Ре-
пин, Л.С. Ауэр, И.А. Гончаров,
И.М. Крамской, К.Д. Кавелин,

Именное место барона Гинцбурга в Синагоге

В.В. Стасов,
И.Я. Гинцбург
и Л.Н. Толстой

Лестница в Синагоге

Проект реализован
на средства гранта
Санкт-Петербурга

Гораций Гинцбург

А.Г. Рубинштейн и, конечно, старый друг Горация Евзелевича – В.В. Стасов.

ИОМ КИППУР
(буквально –
день прощения;
в христианстве –
День искупления,
Судный день), один из
самых важных еврейских
праздников, день поста,
покаяния и отпущения
грехов.

В ходе службы
первосвященик –
единственный раз
в году – входил в Святая
святых, где воскурял
фимиам, опрыскивал
завесу кровью
жертвенных животных и

И

молился за благоденствие народа.

По выходе он читал во всеуслышание отрывки из Торы. В этот день первосвященнику приводили двух козлов для жертвы – один для Бога, другой для Азазела.

Козла для Бога приносили в жертву, а на козла для Азазела (падшего ангела) возлагали все грехи и отпускали в пустыню. Отсюда пошло выражение «козёл отпущения».

Стасов не случайно принял активное участие в осуществлении проекта строительства синагоги. Он с молодости увлекался культурой Востока, издал ряд востоковедческих работ, в частности, много лет работал над альбомом славянских и восточных орнаментов, а на склоне лет вместе с Давидом Гинцбургом, сыном Горация Евзелевича, издал в Берлине капитальный труд «Древнееврейский орнамент». Им была развита идея восточного происхождения славянских былин, он также доказывал, что католические гимны мелодически связаны с древнееврейскими напевами. У Стасова много было подобных идей, и хотя не все они оказывались исторически оправданными, тем не менее, вклад Стасова в изучение еврейской культуры признан многими учёными, в том числе специалистами по иудаистике. Лишним будет говорить, что Владимир Васильевич был лишён всяких национальных предрассудков. Отсутствие подобных предрассудков вообще было вполне естественным в тогдашнем петербургском обществе. Мало того – проявления антисемитизма вызывали резкую отповедь не только у деятелей культуры и науки, но и у простых «обывате-

лей». Если были ограничения или недоброжелательство по отношению к проживавшим в столицах евреям, то они исходили большей частью от властей, но в бытовой среде вопросов о «чужородности» какой-либо нации или религии не возникало. Возможно, эта толерантность сыграла свою роль в возникновении этого периода в петербургской истории, который теперь называют «петербургским еврейским ренессансом» – он пришёлся на конец XIX – начало XX веков. Тогда активизировалась духовная и культурная жизнь петербургской еврейской диаспоры, стали появляться одно за другим различные культурные и научные еврейские общества, в частности, Горацием Гинцбургом было основано «Общество по распространению знаний среди евреев». В Петербурге возникали всё новые еврейские издательства (к концу XIX века их было около двух десятков), выпускавших книги, газеты, журналы не только на русском языке, но и на идиш и на иврите. Именно на этот период приходится строительство в Петербурге Большой синагоги.

Мысль об этом строительстве обсуждалась с середины 1860-х годов. История строительства синагоги описана в статье Маргариты Альбедиль двумя страницами выше, я же хочу рассказать об участии в этом проекте Еврейской общины, а также Горация Гинцбурга и Владимира Стасова.

Первый взнос Гинцбурга на покупку участка под строительство (а ни одно строительство в России не велось без покупки земли под него) составил 70 тысяч рублей. В целом же строительство обошлось Еврейской общине, как свидетельствуют документы, в 576 733 рубля 87 копеек, а число жертвователей переваливало за 170. На заводе Э.В. Гольдберга были отлиты решётки для парадных лестниц, ограда вокруг синагоги была выкована на заводе Винклера по эскизам архитектора А.Д. Шварцмана (она повторяет орнамент из европейской рукописи X века, доныне хранящийся

Владимир Стасов

в Российской национальной библиотеке). Род Гинцбургов для зала синагоги прислал в дар Кивот для свитков Торы – Арон-Кодеш. Однако львиную долю суммы пожертвовал Гораций Гинцбург.

Роль Стасова в истории этого строительства была также немалая. Стасов не только первым начал обсуждение в печати проекта строительства синагоги, не только обсуждал архitectурный стиль будущего храма, но был первым среди тех, кто активно ратовал за построение синагоги в Петербурге. Власти проявляли удивительную вялость и медлительность в этом вопросе. Стасов “подталкивал” их со свойственной ему энергией и полемической страстью. “Уже как-то стыдно, – писал он, – что евреи Петербурга под боком у Европы не име-

ют своей синагоги”. Он считал, что величественная синагога в столице “будет истинно народной честью <...> ещё раз докажет, что мы всё более и более поканчиваем с прежними позорившими нас предрассудками и не хотим уступать Европе в светности и ширине воззрения”. Позднее Стасов самой общиной был включён в жюри конкурса на проект храма, причём в жюри он был самым авторитетным человеком. По его настоянию синагога была построена в арабо-мавританском стиле. Противодействовать Стасову никто не стал в силу уважения к нему, хотя некоторые авторитетные деятели культуры утверждали, что евреи строили свои культовые здания в том стиле, какой господствовал в стране их проживания. Среди возражавших Стасову через печать был, например, его

Стр. 11: В. Стасов с юным поэтом Самуилом Маршаком (справа) и будущим скульптором Герцелем Герцовским. 1904 г.

МАГЕН-ДАВИД
(с древнееврейского – щит Давида или звезда Давида), шестиконечная звезда или гексаграмма, образованная двумя равносторонними

M

треугольниками. Этот знак известен с добиблейских времён, его изображение найдено на предметах, относимых к IV тысячелетию до н.э. Он использовался как магический знак у многих народов, от Месопотамии до Британии. У евреев маген-Давид появился в VII веке до н.э. как магический знак. В Средние века звезда Давида была популярна и у христиан, и у мусульман.

друг Антокольский; то же утверждал известный еврейский писатель Й.-Л. Гордон, советовавший следовать при постройке синагоги стилю православных церквей (один из конкурсных проектов был именно таков).

В заслугу Стасову следует поставить и его борьбу за место для синагоги. Поначалу мысль о строительстве еврейского храма на углу Фонтанки и Гороховой улицы была категорически отвергнута обер-полицмейстером Петербурга Ф.Ф. Трёповым, который предложил для строительства окраину Выборгской стороны, где не только не жило ни одного еврея, но вообще почти не было населения, а из ближних лесов забегали волки. Правление общины предложило тогда место на углу Торговой и Малой Мастерской улиц (нынешнее место на Лермонтовском просп., 2). Но власти снова стали “думать”. И тут в дело стал вмешиваться Стасов. Он отстаивал в печати предложенное общиной место для строительства и всячески отстаивал на этой идее в приватных беседах с влиятельными людьми, подписал письмо в Городскую думу о предпочтении для строительства именно этого места. Имя Стасова, который был к тому времени одним из самых авторитетных людей Петербурга, не могло не сыграть своей роли.

Что касается роли императора Александра II в истории строительства синагоги, то его повеление строить храм в “более скромных” размерах, чем было обозначено в проекте, было сделано явно по наущению градоначальника И.В. Гурко и министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, которые ещё в начале 1880 года выступали за «скромность» постройки. Но император, тем не менее, был сторонником строительства и содействовал ему. Не случайно, наверное, Гораций Гинцбург заказал Антокольскому статую уже покойного Александра II с целью установить её в синагоге. Ему, правда, не удалось переубедить еврейских религиозных деятелей отступить от тра-

диции – в синагоге запрещалось помещать изображение людей и различные символы, так что статуя была отправлена в Академию художеств. Но эта история о чём-то говорит.

Петербургская Большая синагога стала памятником исторической толерантности петербургского общества. Не один Стасов способствовал тому, чтобы синагога была построена. В числе всячески поддерживавших эту идею

Илья Гинцбург

были Н.А. Римский-Корсаков, В.Г. Короленко, И.И. Шишкин, Вл.С. Соловьёв, принц Н.П. Ольденбургский и ещё многие деятели русской культуры и науки.

В связи с именем Гинцбургов хочется сказать о связи Стасова с этой фамилией.

Когда в 1909 году Владимир Васильевич Стасов скончался, то надгробие для его могилы создавал его друг, скульптор Илья Яковлевич Гинцбург. Стасов сам попросил его об этом незадолго до смерти. А много раньше он просил его исполнить барельеф для памятника М.П. Мусоргскому.

Илья Яковлевич Гинцбург не был родственником Горацию Евзелевичу. Он принадлежал к роду небогатому, происходившему из западных областей России. Илья Яковлевич родился в Гродно, а детство провёл в Вильно (теперь

это Литва, город Вильнюс), где родился и провёл детство его дядя, тоже из рода Гинцбургов — скульптор Марк Матвеевич Антокольский, к которому Илья Яковлевич позже приехал в Петербург учиться.

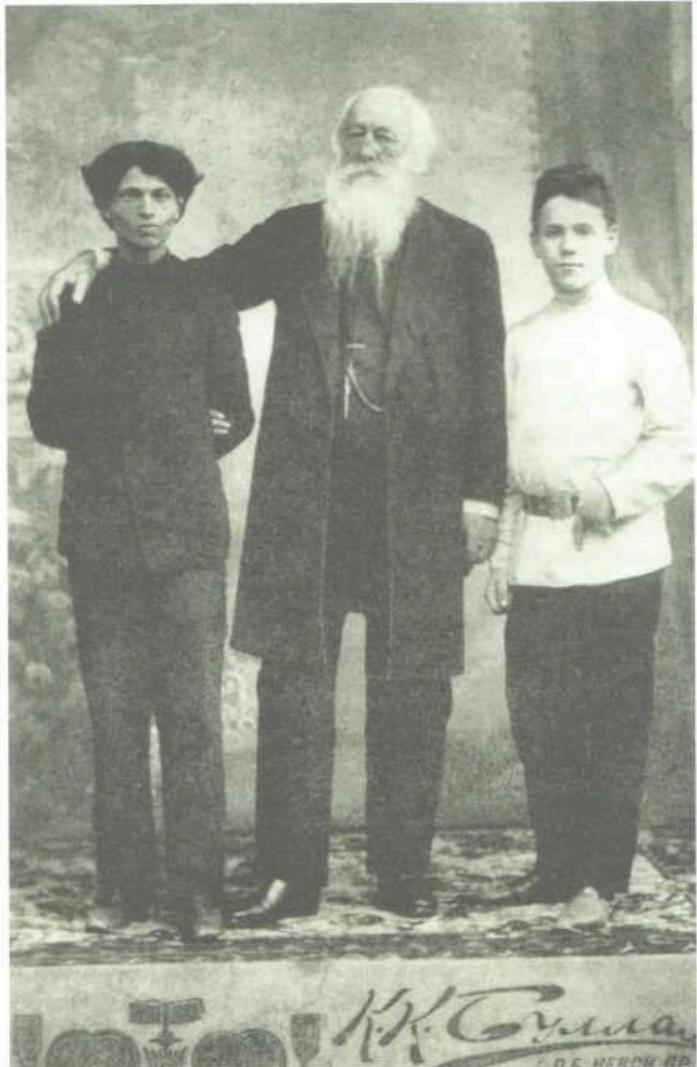
Знакомство Стасова и Ильи Гинцбурга состоялось в 1870-е годы. Стасов уже был дружен тогда с Антокольским, у него он и встретил его юного ученика. Дружба с молодым талантливым скульптором завязалась на долгие годы.

Если кто-то из читающих эти строки, силится вспомнить, что же он знает из работ Ильи Гинцбурга, хочу напомнить хотя бы про памятник Г.В. Плеханову возле Технологического института и памятник Д.И. Менделееву напротив — с 1932 года великий учёный «восседает» в кресле возле бывшей Главной палаты мер и

весов (теперь — Института метрологии).

Илюша Гинцбург был мягкий, милый человек, он был желанным гостем во многих домах. В последние свои годы Стасов был неразлучен «со своим Ильёй». Куда бы ни направлялся Владимир Васильевич, он то и дело брал с собою Илью. Они вместе не раз бывали в гостях у Льва Толстого в Москве и в Ясной Поляне. В 1906 году Гинцбург, обладавший прекрасной памятью, записал беседу Стасова с Толстым, и, изданные спустя несколько лет, эти записи стали ценным биографическим материалом. В 1900-е годы Илья был частым гостем у Стасова на его даче в Старожиловке, близ Парголова. Вместе они «совершили набеги» к Илье Репину в его имение «Пенаты» в Куоккале. Там, если Илья Ефимович писал чай-то портрет, Гинцбург «пристраивался» у станка с глиной и создавал скульптурный портрет с позирующим Репину человека — своеобразное соревнование с мэтром.

В 1900-х годах Стасов и Илья Гинцбург сдружились с талантливым юношем — Самуилом Маршаком, и по рекомендации Стасова Гораций Гинцбург принял участие в судьбе будущего поэта, тот смог поехать учиться в Англию. Так что Маршак своей судьбой обязан сразу двум замечательным людям — Горацию Гинцбургу и Владимиру Стасову. Все упомянутые в этом рассказе люди принадлежат русской культуре, они её создавали, они её сохраняли.

Гораций Гинцбург с сыном Самуилом Маршаком и другом Владимиром Стасовым.

Синагога
Санкт-Петербург
St.-Petersburg
Синагога
Санкт-Петербург

МАГЕН-ДАВИД
в арабских странах был
известен как «печать
Соломона»,
а щит Давида попараду
не имел гексаграммы.

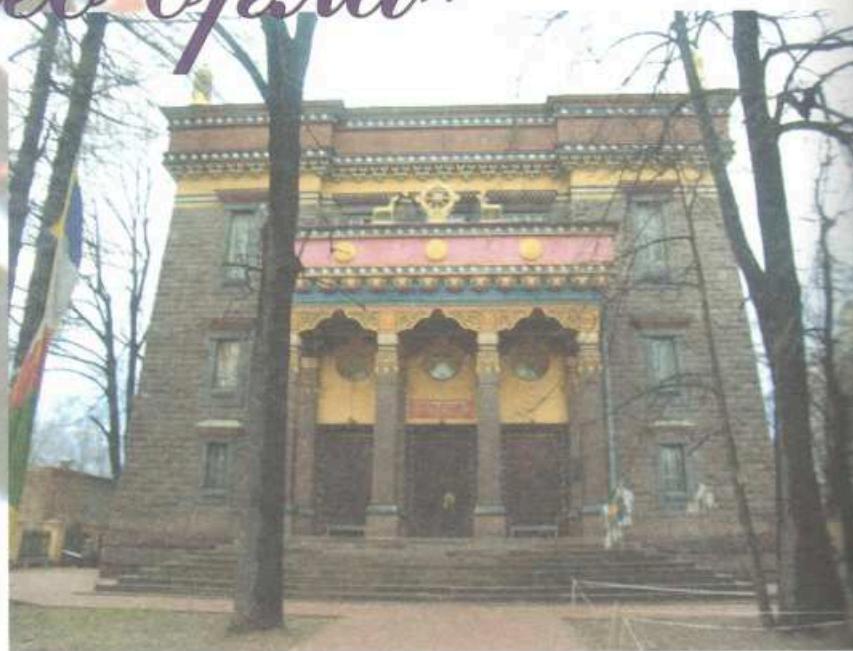
Она появилась на
изображениях его щита
в XIV веке. В 1354
году Карл IV даровал
еврейской общине Праги
привилегию иметь
собственный флаг, на
котором красовалась
«звезда Давида». Вскоре
маген-Давид в качестве
еврейского символа
переняли евреи Европы,
затем — Малой Азии.
Только к XIX веку маген-
Давид стал символом
иудаизма, подобно кресту
в христианстве.

M

Ныне маген-
Давид украшает
государственный флаг
государства Израиль.
До конца XIX века Маген-
Давид воспринимался
как символ единства
человечества и как
магический знак
Бога. Его изображение
можно увидеть на
куполах православных
церквей, в убранстве
католического храма, на
надгробных памятниках
представителей самых
разных религий и
конфессий.

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

«Под крылом могучего орла»

Буддийский храм (Дацан) в Санкт-Петербурге

МАРГАРИТА
АЛЬБЕДИЛЬ
сотрудник
Кунсткамеры

Фрагмент знамени
3-го Донского
Калмыцкого конного
полка 1910-е гг.

В августе этого года в буддийском храме Санкт-Петербурга (Приморский просп., д. 91) праздновали 90-летие со дня его открытия. Буддисты получили свою молельню последними среди инонверцев северной столицы. Первая служба в ещё не законченном храме состоялась 21 февраля 1913 года, в день празднования 300-летия Дома Романовых. Незадолго до этого Николай II, последний представитель этой династии заявил: «Буддисты России могут чувствовать себя как под крылом могучего орла». У него были основания говорить о буддистах России: с 1741 года, со времени правления Императрицы Елизаветы Петровны вплоть до сталинской эпохи буддизм был официальной религией Российского государства. В 1991 году скромно и почти

незаметно отмечался юбилей – 250-летие установления этой религии в восточных пределах нашего Отечества. По сути, отсчёт вёлся от её официального признания, но проникла она сюда гораздо раньше. В нашей стране буддизм традиционно исповедовали в Бурятии, Калмыкии, Туве, а также в Читинской и Иркутской областях. Сейчас буддийские общины существуют также в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных российских городах.

Буддисты, в основном калмыки и буряты, появились в городе на берегах Невы с самого начала его основания. Они были в числе работных людей, присланных по распоряжению Петра I из разных губерний России на возведение нового города на берегах Невы,

Статуя Будды

на эту всероссийскую стройку века. Многие из них, отработав свой срок, не захотели возвращаться домой и остались в Петербурге: здесь работы было достаточно.

В самом конце XIX века в Санкт-Петербурге сложилась буддийская община, насчитывающая несколько сот человек. Они исповедовали в основном северный буддизм желтошапочной школы *гелукпа*, одной из самых популярных в Тибете. Столичную «буддийскую колонию» образовывали выходцы с восточных окраин Российской империи, главным образом, всё те же калмыки и буряты из Забайкалья, Астраханской и Ставропольской губерний, области Войска Донского. Они селились на Петербургской стороне или в Литейной части; служили в казачьих частях, учились в столичных учебных заведениях, занимались торговлей и т.д. Были среди них и отпрыски родовитых семей, как, например, калмыцкие князья Тундутовы, державшие свои салоны, который весьма охотно посещали русские аристократы.

В северной столице проживало также немало буддистов-иностранцев из Китая, Японии, Таиланда и других буддийских стран, с которыми Россия поддерживала дипломатические и торговые отношения. Они обычно имели небольшие молельни при своих посольствах. Наконец, в

высшем свете и в кругах либеральной интеллигенции были люди, отвергавшие ортодоксальное христианство и увлекавшиеся учениями Древней Индии, Китая, Тибета и в том числе – буддизмом. К концу XIX века в России появилось немало фундаментальных работ по буддологии, принадлежавших отечественным и западным учёным: В.П. Васильеву, И.П. Минаеву, А.М. Позднееву, Ф.И. Щербатскому, Т.П. Рис-Дэвидсу, Г. Ольденбергу и др. Тогда же началось увлечение теософией, имевшей индо-буддийскую основу, и кое-кто воспринимал её как универсальную религию будущего. На рубеже веков многие аристократы и интеллигенты-разночинцы зачитывались не только «Тайной доктриной» Е.П. Блаватской, но и переводом поэмы английского учёного Э. Арнольда «Свет Азии», в которой излагалось учение Будды. Во многом благодаря усилиям Е. Блаватской и её сподвижника, полковника Олькотта – этим двум основателям Теософского общества – буддизм в конце XIX – начале XX веков начал своё распространение в России.

Россия в этом смысле не была в то время исключением. В Лондоне, Париже, Вене, Риме «буддийское движение» стало в те годы весьма популярным. С его помощью надеялись «заменить старые, рушащиеся идеалы личной и общественной жизни более соответствующими теперешнему развитию человечества, выработать новое мировоззрение, которое давало бы ответы на все тревожащие человека вопросы, наполнило бы его духовную пустоту», – сообщалось в журнале «Русский вестник» от 17 мая 1890 года.

Из всех российских городов больше всего тяготел к буддизму Петербург. На рубеже веков он был охвачен мистическими настроениями; в нём образовался, как писали в прессе, «целый водоворот маленьких религий, культов и сект», среди которых занял своё место и буддизм. Среди приверженцев буддизма на-

Монгольская икона-танка начала XIX века

Знамя 3-го Донского Калмыцкого Конного полка. 1910-е гг. Фрагмент

Интерьер Буддийского храма (дацана)

МАЦЦА
(буквально – лишённое влаги), лепёшки из «не квасного» теста, единственный вид хлеба, разрешённый к употреблению в течение пасхальной недели.

M

Библия предписывает употребление маццы в Песах (Пасху) как напоминание о том, что во время Исхода из Египта израильтяне пекли лепёшки из теста, которое ещё не вскисло, ибо не могли медлить. В то же время «не квасное тесто» могло долго храниться во время скитания по пустыне. Во избежания брожения в тесто не клади соли. В христианстве пресные «не квасные» лепёшки называли «опресники».

иболее известны были представители столичной великосветской публики – князь Э.Э. Ухтомский, учёный, дипломат и путешественник, и барон Л.Л. фон Фелькерзам. После манифеста 17 октября 1905 года о свободе совести и вероисповедания умножились случаи перехода в буддизм из других религий. Российские буддисты даже вынашивали идею о строительстве «великой буддийской конфедерации», т.е. о сближении на культурной и экономической основе России, Монголии и Тибета, причём России в этом союзе отводилась роль защитницы монголов и тибетцев от угнетения со стороны Китая, Японии и Англии. В обществе ходили смутные слухи о «северной Шамбале» – таинственном царстве справедливости, которое будто бы лежит в пределах громадной Российской империи. Российские монархи традиционно считались местными буддистами как воплощения милосердного божества Белой тары, по-монгольски именуемой Цаган – Дара Эхэ. Пожелания поселиться в России высказывал и Далай-лама, в то время находившийся в вынужденной эмиграции в Угре. Он же вынашивал мысль о постройке буддийской молельни в Санкт-Петербурге.

Однако несмотря на немалый интерес к этой древнейшей религии Востока, разрешения на стро-

ительство буддийского храма удалось добиться далеко не сразу. Инициаторам его постройки, 13-му Далай-ламе Тибета Тубдан-Чжамцо (1876–1933) и его старшему советнику Агвану Доржиеву (1854–1938) пришлось приложить немало усилий для воплощения в жизнь своих планов, несмотря на протекцию высоких покровителей из столичного великосветского общества. Наконец, согласие высоких инстанций было получено. Помог П.А. Столыпин, к которому обратились учёные-востоковеды Ф.И. Щербатской, С.Ф. Ольденбург, художник Н.К. Рерих. Доржиев в 1909 году купил на окраине Петербурга, т.е. за чертой «православной столицы», на углу Благовещенской улицы (ныне Приморский проспект) и Липовой аллеи, участок земли. И началось строительство буддийского храма с общежитием и школой при нём, т.е. фактически небольшого монастыря. Проект храма создал талантливый архитектор, гражданский инженер Г.В. Бараповский. Постройка не раз оказывалась под угрозой срыва: то возникали финансовые проблемы, то черносотенная пресса разворачивала антибуддийскую кампанию, то православная церковь обрушивалась на идолы в капище. Для Доржиева и других буддистов стало привычным делом получать анонимные письма с угрозами убить их и взорвать храм. Но несмотря на все нападки, «самый северный памятник тибетского зодчества» на Приморском проспекте Петербурга был всё же построен, хотя его отделка растянулась на долгие годы: власти опасались, что буддийские символы на фасаде здания будут оскорблять религиозные чувства православных.

Первая служба, как уже говорилось, прошла в незаконченном здании. Её отправлял Бандида Хамбо-лама Даши Доржи Итигелов, главный лама Забайкальской области. На молебне, среди прочих, присутствовали известный русский исследователь Центральной Азии П.К. Коцов, посол Монголии Ханда-Доржо, кал-

мыцкий князь Тундутов-младший, известные бурятские учёные Базар Барадийн, Цыбен Жамсарано. Имя Итигелова сейчас известно каждому буряту – и не только буряту. Этот лама умер и был похоронен в 1927 году, а спустя 75 лет, согласно его завещанию, извлечён из погребального пристанища. Открывшееся зрелище поразило всех – тело ламы полностью сохранилось, оно продолжало сидеть в позе медитации. Экспериментация была произведена по инициативе главы буддистской церкви России Хамболламы Аюшеева и по разрешению родственников, в присутствии официальных властей и специалистов по судебно-медицинской экспертизе. Буддисты считают, что лама Итигелов, явив это чудо, тем самым хотел укрепить веру, пошатнувшуюся у многих буддистов.

Освящение и открытие буддийского храма состоялось 10 августа 1915 года. Он получил название «Источник святого Учения Будды, сострадающего ко всем». В память об этом событии были отчеканены медали с силуэтом храма и его названием на тибетском, монгольском и русском языках. Репортёры, прибывшие на открытие, были удивлены. «Величественный, горделивый» храм, напоминающий легендарные лхасские святыни с элементами стиля модерн, произвёл на них сильное впечатление и непривычным обликом, и ярким цветным убранством, и загадочными буддийскими символами. На крыше были установлены чжалцаны – цилиндрические украшения, символизирующие триумфальное шествие буддизма по миру, магические зеркала-толи во фризе, призванные отгонять злонамеренные силы, над порталом висело колесо вероучения *хурдэ* с ланями, стоящими по обеим сторонам от него, а венчал храм *ганчжир* (тибетск. «полный сокровищ»), который, как и чжалцаны, был заполнен печатными текстами молитв на освящение храма.

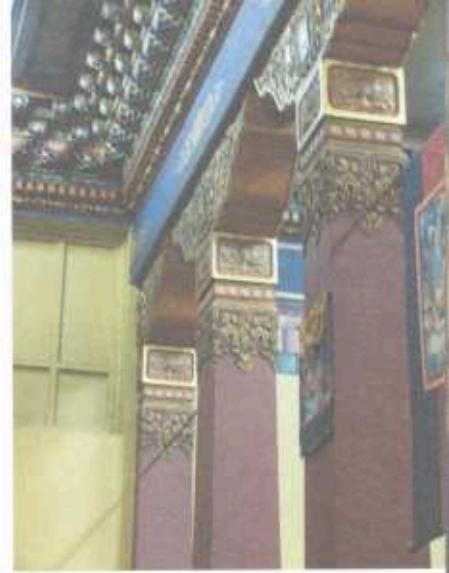
В большом зале для молебствий сверху, словно с неба, через остеклённую часть крыши, свет падал на восьмилепестковый лотос, выложенный плитками на полу. В центре зала, под этим стеклянным потолком, стояли столы с колокольчиками, священными книгами и другими ритуальными принадлежностями. В нише северной стороны находилось изваяние Большого Будды, а по сторонам от него – статуэтки божеств буддийского пантеона. Между колонн были развешаны многоцветные парчовые стяги и иконы-танка.

Храм был действующим недолго. Ламы не вынесли тяжёлого бремени военных и революционных лет, и в 1917 году покинули холодный и голодный Петроград. Осиrotевший храм подвергся надругательству и разграблению.

Ступа. Предмет буддийского культа

Но о буддизме в городе на Неве не забывали. Он существовал ещё и в виде коллекций, хранящихся в наших музеях. «В России с давних пор интересовались буддизмом и начали с ним знакомиться более чем двести лет тому назад. Первые буддийские предметы попали в Музей, устроенный Петром Великим, под названием Кунсткамеры, и поныне хранятся в Академии наук. С тех пор русские учёные много занимались буддизмом и, изучая Азию,

МЕНОРА (буквально – светильник), название семистольного светильника (семисвечника), поначалу – культовый атрибут

скинии. Впервые упоминается в Библии.

Изготовление меноры было предписано Богом Моисею на горе Синай.

Согласно Библии, менора была выкована из цельного куска золота весом около 30 кг. По Библии первосвященник зажигал менору в сумерки, и она горела всю ночь. Изображением меноры украшали шкатулки, стены гробниц, саркофаги.

M

В эпоху христианства менора стала символом иудейской веры.

Ей приписывали мистическое значение.

Иногда менора изображалась с девятью свечами (на празднике Ханукка).

Сегодня менора, наряду с маген-Давидом – национальная и религиозная

еврейская эмблема, она присутствует на гербе государства Израиль.

Менору нередко можно увидеть в христианских храмах, как библейский знак.

Парчовый стяг

Хранитель храма
Ши-циза

Праздник Круговращения
Майтрея в Бурятии

с которой Россия крепко связана вековыми сношениями, совершали поездки в буддийские страны и привозили оттуда немало предметов для русских музеев», — так писал учёный С.Ф. Ольденбург в очерке, описывавшем первую буддийскую выставку в Петербурге, состоявшуюся в 1919 году. Её устроила научная и художественная интеллигенция, сосредоточенная в Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии (МАЭ), Азиатском музее Академии наук и в Русском музее.

Выставка имела огромный успех и вызвала настоящий взрыв культурологического энтузиазма. Верилось, что революция действительно распахнула дверь перед широкими народными массами в неведомый им мир восточных религиозных представлений. В начале XX века Петербург-Петроград-Ленинград заявил о себе как о настоящем международном центре буддологических исследований. Но в 30-е годы всему этому был положен конец: буддология перестала существовать. В 1937 году буддийский храм был закрыт. Ламы, а вместе с ними и многие учёные-буддологи, арестованы, многие из них расстреляны.

Поруганная святыня возродилась в 1990 году: её вернули буддийской общине Петербурга. И сейчас под сводами большого зала для молебствий вновь звучат буддийские молитвы.

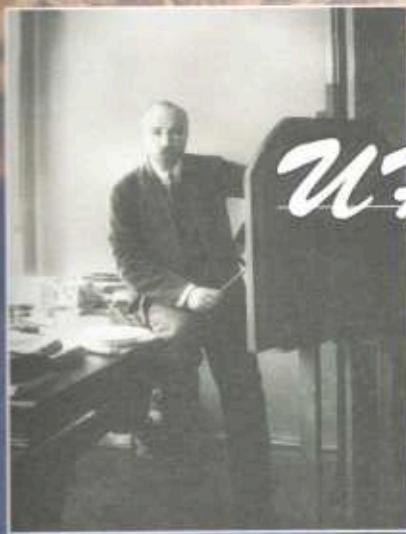

M

МИЦВА

(с древнееврейского — повеление, приказание), единственное число от слова «мицвот», которым обозначаются предписания и запреты еврейской религии. В Талмуде слово «мицва» употребляется для обозначения всякого похвального поступка, хотя бы и не предписанного законом. Согласно религиозной традиции, насчитывается 613 мицвот.

«ВЕЛИЧАЙШИЙ ИНТУИТИВИСТ СОВРЕМЕННОСТИ»

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

Николая Константиновича Рёриха (1874-1947) одни называли мистиком, другие – пророком, а трети считали шарлатаном. В нашей стране его ценят как художника, меньше его знают как поэта, археолога и исследователя, ещё меньше – как оригинального мыслителя, соединившего в своём учении духовные искания Востока и Запада, давшего им современное толкование. Максим Горький назвал его «величайшим интуитивистом современности». В результате долгих духовных поисков Николай Константинович вместе со своей супругой Еленой Ивановной (1879 -1955, урожденной Шапошниковой), по сути, создали своё оригинальное учение. Его последователей в наше время можно найти во многих странах мира и практически во всех крупных городах России. В том числе и в Санкт-Петербурге, где Николай Константинович родился.

Так называемое «Рёриховское движение», «Рёрихианство» – одна из заметных граней религиозной жизни современной России и нашего города. В 1994 году Русская Православная Церковь предала анафеме всех, исповедующих Рёрихианство, несмотря на то, что многие из них считают себя православными, имеют дома иконы, читают молитвы и ходят в церковь. Сами Рёрихи считали

себя православными, но не в церковном смысле. Они, например, отрицали личного бога и божественность Христа, считая его лишь одним из духовных Учителей человечества.

Что же представляет собой Рёриховское учение? Его трудно вместить в какую-либо сухую формулу или обозначить точным термином. Сами Рёрихи назвали свое учение Живой этикой; второе название – Агни-Йога, т.е. «Огненная йога». Рёрихианцы считают Живую Этику новой религией, которая в XXI веке охватит весь мир. Она открыта и для православных, и для мусульман, и для буддистов, и для атеистов, и даже для сатанистов, поскольку является собой «синтез научного мышления Запада и восточной мысли», в котором так нуждается наше время.

Девизом учения могут служить слова Николая Константиновича: «Поверх всяких Россий есть одна незабываемая Россия. Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь. Поверх всяких красот есть одна красота, ведущая к познанию Космоса». А квинтэссенцией учения может быть другое его высказывание: «Человек – прежде всего обитатель Космоса и только потом житель планеты Земля».

Учение это вырастало исподволь, как растение вырастает из

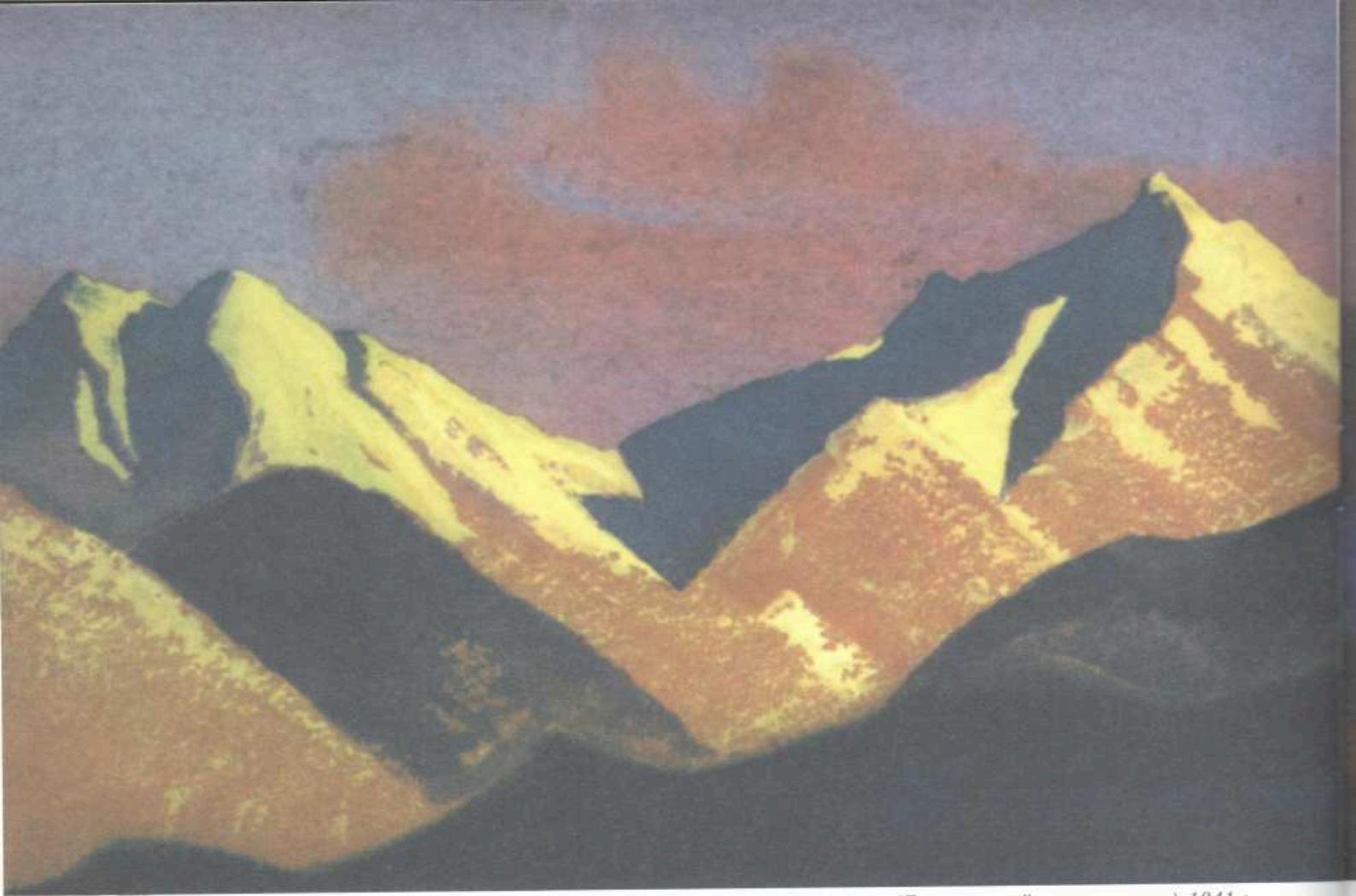
МАРГАРИТА
АЛЬБЕДИЛЬ
сотрудник
Кунсткамеры

Николай Рёрих. 1910 г.

Гималаи (Голубые горы).
1939 г.

Танцующий Шива XIX в.
Индийское божество

Гималаи (Горы, освещённые солнцем). 1941 г.

РАВИН
(«рав» буквально –
большой, великий;

P

также – господин).
Звание, присваиваемое
по получении высшего
еврейского религиозного
образования, дающее
право возглавлять
конгрегацию или
общину, преподавать
в иешива и быть
членом религиозного
суда. Равом называли
в древности законо-
учителя.
В Земле Израиль
почётным званием
было «рабби»
(буквально – мой
господин).

семени, упавшего в благодатную почву. Николай Константинович вспоминал, что его с самого детства манил Восток, особенно Индия: по соседству с родовым именем Извара, в названии которого мерцает отблеск древнеиндийского языка санскрит, в екатерининские времена жил, кажется, индийский раджа, и долго сохранялись остатки разбитого им сада. А в доме висела картина, на которой была изображена величественная гора, неизменно привлекавшая внимание мальчика; как потом выяснилось, это была знаменитая гималайская Канченджанга.

Позже Индия вошла в жизнь художника и яркими художественными образами, и глубокими духовными озарениями. Он написал: «Заманчив великий индийский путь...» Увлечение Индией не было данью поверхностной и изменчивой моде. Нет, традиция особой любви к этой стране существовала в России давно. Причин тому было много, от великодержавных геополитических ин-

тересов до углубленного интереса к культуре и религии Индии.

Ещё в «духовных стихах» древних русских странников образ далёкой индийской земли сливался с образом Рая: рассказывали, что птица Сирин является «в стране индийской, ближайше расположенной к месту райскому». Славянофилы считали, что «с Востока широкое поприще открывается для зиждительства нашему национальному духу...» Лучшие умы верили, что проблема безбожного человечества на Западе и бесчеловечного божества на Востоке разрешится, наконец, в российском синтезе. Так что устремление семьи Рёрихов в Индию и их страстное желание соединить отечественную духовность с религиозным опытом Востока находилось в русле исканий тогдашней российской мысли.

Рёрихи полагали, что их долг перед Отечеством – выполнить завет родной культуры и приблизиться к общим духовным истокам. «Ясно, что если углубляться

Снежные вершины. 1942 г.

в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрёт многое, что нам так близко. Обычаи вымирают, быт заполняется усовершенствованиями, гробницы и храмы оседают и разрушаются... Через Византию грезилась нам Индия; вот к ней мы и направляемся...» Погружаясь в индийский духовный космос, они отмечали: «Красота заложена в индо-русском магните».

Каждый в этой удивительной семье шёл своим путём, а все вместе они складывали удивительный узор на пути неустанного духовного поиска. Ведущей была Елена Ивановна. Н.К. Рерих позже написал: «Остра и необычайна деятельность нашей вдохновительницы». На первых порах она увлеклась чтением наивно-экзальтированной литературы, наподобие нашумевшей в то время книги йога Рамачараки,

под завораживающим индийским псевдонимом которого скрывался вполне деловой американец Аткинсон. Потом пришли более серьёзные книги, в их числе – работы индийца Свами Вивекананды, в которых излагались основы индуизма, главной национальной религии Индии.

Не будем забывать, что канун XX века и его начало – это удивительное время для религиозной жизни обеих столиц. Оно совпало с переосмыслением догматических христианских истин среди тех, для кого «старый мир стал духу тесен». Философ Н.А. Бердяев назвал это время эпохой «пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму...» Так и было. В Санкт-Петербургском университете в это время читал лекции о Богочеловече философ и мистик всеединства Владимир Соловьёв; на знаменитой «Башне» (квартире на Таври-

СИНАГОГА – греческое слово, означает – «собрание»; на иврите –

бет-хнесет – дом собрания. Главный молитвенный храм у евреев. Там совершаются литургии (седер-анода) и ежедневные молитвы (тфила). Основных молитв три: шахарит (утренняя), минха (послеподневная) и маарив (вечерняя).

Молящиеся обращаются лицом к «священному ковчегу» (арон-ха-кодеш) – шкафу, где хранится свиток Торы; шкаф стоит у стены, ориентированной на Иерусалим.

Гималаи (Розовый пик).
1940 г.

ческой улице) поэта и философа Вячеслава Иванова велись беседы на оккультные темы; композитор Скрябин обращался к теме «чёрной мессы». В гостиных и салонах Петербурга читали переводы классических произведений Востока и спорили о вечном.

Интерес к религиозной стороне жизни был велик, но почти во всех случаях он воспринимался вне православной церкви. Дело в том, что и связанная с властью церковная организация, и законы невшее в догмах церковное учение не пользовались уважением среди интеллигентии. Обер-прокурор Синода и советник двух царей — Александра III и Николая II — К.П. Победоносцев, при всей его огромной эрудиции был человеком нетерпимым в делах религии. Один из богословов начала XX века сравнивал русскую церковь того времени с двуглавым орлом: «Одной головой была церковная бюрократия во главе с Синодом, другой — приходское духовенство и преданные церкви мирияне, верившие в православный идеал соборности».

Не будем забывать и о том, что Россия в то время находилась в преддверии Первой мировой войны, революции и тех страшных бедствий, которые последовали за ними. «Двадцатый век. Ещё бездомней, ещё страшнее жизни мгла...» — написал об этом времени Александр Блок, а Рёрих назвал этот период «армагеддонными днями». Именно в такой тревожной и даже трагической тональности многие воспринимали начало XX века. И Николай Константинович, с его глубокой интуицией и ясным умом, и Елена Ивановна с её мистически-обостренным восприятием происходящего полагали, что кризисная тупиковая ситуация в стране связана прежде всего с обнищанием духа и с досадным самообольщением европейцев, безоглядно устремившихся по пути техногенной цивилизации. Нет, не справиться с этим кризисом ограниченному западному гуманизму с его индивидуалистическими ценностями. Выход из кризиса — в духовном

преображении, а оно возможно только на основе синтеза всех накопленных человечеством знаний, в том числе и тайного, эзотерического знания о той глубинной «тонкой реальности», которая и составляет сущность человека.

Рёрихи были убеждены, что хранителем этих знаний является Восток, в особенности Индия, Тибет, Гималаи. В соединении глубокой созерцательной духовности Востока и практической активности западной мысли они видели особую миссию России, а также и свою собственную. Семья Рёрихов совершила несколько экспедиций в Азию, а последние годы жизни они не покидали Индию и жили в долине Кулу в предгорьях Гималаев. Из окон их дома было хорошо видно Канченджанга, та самая, с которой все началось в далёком детстве. Здесь, в долине Кулу, Николай Константинович создал сотни великолепных полотен, воспевающих красоту гор, а Елена Ивановна написала множество книг и статей, зовущих дух к горним высотам. Здесь же похоронен Николай Константинович, которого в Индии называют «божественным учителем» или «великим мудрецом».

Эти духовные искания проходили на фоне веры в социальный прогресс и светлое будущее человечества. Рёрихи не были исключением: многие тогда восхищались героизмом революционеров и верили, что они помогают родиться прогрессивному новому миру. Блок писал с мистическим восторгом в поэме «Двенадцать»: «В белом венчике из роз, впереди — Иисус Христос». Николай Константинович тоже был убежден, что революционные события в России расчищают место для грядущего братства народов.

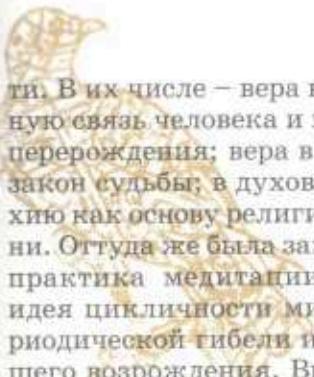
Вот в такое время и в такой среде с её запутанными религиозными метаниями чета Рёрихов и создавала свой вариант всеобъемлющего мировоззренческого учения, гибкого и не догматичного. Оно явственно несёт на себе печать того беспокойного периода.

Особенно много идей было воспринято из восточной духовнос-

В СИНАГОГЕ
богослужение проводит

C

шалиах цибур
(посланец общин).
По субботам и
праздникам некоторые
молитвыются — это
обязанность кантора.
Читающий Тору
называется бааль-криа
(муж чтения). Все
религиозные вопросы
разрешает раввин, глава
еврейской общине.
В ортодоксальных
синагогах женщины
молятся на балконе
или отделяются от
мужчин специальной
перегородкой.

ти. В их числе – вера в неразрывную связь человека и космоса и в перерождения; вера в карму как закон судьбы; в духовную иерархию как основу религиозной жизни. Оттуда же была заимствована практика медитации, а также идея цикличности мира, его периодической гибели и последующего возрождения. Впрочем, увлечение Востоком нисколько не умаляло в глазах Рёрихов ценности русской духовной культуры и особенно православия. Они много писали о большой роли христианской культуры и русских христианских святых. В 30-е годы последователи Рёрихов даже считали Николая Константиновича воплощением преподобного Сергия Радонежского; этого же мнения придерживаются и многие современные Рёрихианцы. На христианском учении о втором пришествии Христа основано и учение Рёрихов о спасении.

Позже Рёрихи вспоминали: «Люди, встречавшие в жизни учителей, знают, как просты, и как гармоничны, и как прекрасны Они». Эти великие духовные учителя живут в труднодоступных местах в Гималаях, и увидеть их можно лишь в том случае, если они сами это позволят. Интересно, что Рёрихи обнаружили поразительное сходство русских сказаний о Беловодье и восточных легенд о священной азиатской Шамбале – воплощении народных мечтаний о невидимой духовной основе мира.

Со временем они также критично стали относиться и к оккультизму. Оккультная связь с потусторонним миром, которой пытались добиваться во время спиритических сеансов, в учении Живой Этики заменена непосредственным общением с живительными энергиями Вселенной.

Одна из стержневых идей Живой Этики – обожествление культуры, осознание её как высокой духовной сущности. В слове культура Н.К. Рёрих выделял два корня: *культ*, т.е. почитание, и *ур*, т.е. свет. «Культура есть почитание света», – писал Н.К. Рёрих. В конце жизни он подвел итог:

«Познающий священные устои Культуры оценивает и единый великий свет». И далее: «Мы собираем около этих ценных понятий новое усилие, мы стремимся помочь напряжению созидающей энергии». Рёрихи верили, что только по ступеням всемирного братства культуры можно подняться к истинному счастью. «Будут всегда колебаться условные ценности. Неизвестно, какой металл будет признан наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем незыблым и всемирным».

В 1929 году был опубликован Пакт мира: Рёрих обратился к правительствам и народам всех стран с призывом охранять памятники искусства и научные учреждения при военных столкновениях. Николай Константинович придумал и отличительный флаг, который должен был водружаться на объекты, подлежащие охране. Он назвал его «Знаменем мира»: три красные точки в красном круге на белом полотнище. Они символизировали прошлые, настоящие и будущие достижения человечества. Было у этого символа и другое толкование: религия, искусство и наука как проявления единой культуры.

Обращение к культуре и её спасительной роли – именно эту направленность старается выдерживать Международный Центр Рёрихов (МЦР), находящийся в Москве. Это – крупнейшая и наиболее влиятельная Рёриховская организация в нашей стране. Она координирует деятельность местных центров, являющих собой в идеологическом отношении весьма пёструю картину самых разных направлений.

Последователи учения Рёрихов верят, что через делание добра, через создание и сохранение духовных ценностей можно достичь высоких ступеней в духовной иерархии, опираясь на помощь духовных учителей из Шамбалы. Они верят также, что сейчас среди этих учителей находятся и Рёрихи, достигшие высокой ступени «огненного мира»...

Брахманутра. 1940 г.

Мозаика Н. Рёриха над входом в церковь Св. Духа в селе Талашкино под Смоленском

СКИНИЯ,
переносное святилище
Бога, которое
израильтяне соорудили
по Его указанию во
время странствований
по пустыне после исхода
из Египта. Скиния была
плоским шатром из кожи
и дерева, внутри делилась
 занавесью на две части.

Меньшее

помещение называлось
Кодеш ха-Кодашим – или
Святая святых. В Святая
святых находился Ковчег
Завета, в нём хранились

Скрижали Завета – две каменные плитки с начертанными на них заповедями, которые
Моисей получил от Бога
на горе Синай. В Святая
святых находились
также семистольный
святилище (менора) и
алтарь для воскурений.
По Библии, царь Давид
перенёс Ковчег Завета в
Иерусалим.

ВОКРУГ СВЕТА

ПОЧТОВАЯ

Письмо
отца к сыну
Михаилу
из Петрограда
в Краснодар
1919 год

БЕЗ ВИЗ И ПАСПОРТОВ

Выставка посвящённая
этой истории, открыта
в детской библиотеке
истории Петербурга на
ул. Марата, 72 –
в декабре 2006 г.
феврале 2007 г.

ОЛЬГА МОЛКИНА

(продолжение;
начало в № 5 за 2006
год)

Мальчики-колонисты
купаются в бухте
Золотой Рог

Весь 1919-20 учебный год петроградские мальчики и девочки, которых уже давно не делили на представителей Первой и Второй колоний, провели во Владивостоке и на острове Русский, расположенному у входа в бухту Золотой Рог, на берегу которой стоит Владивосток.

Мутческая
зима 1919 г.
Братец, мы
всё-таки
попадали
в Тифов.
Несколько
раз
всё
было
всё

Ребята жили в тёплых барах, их хорошо кормили, они ходили в школу, их обучали различным ремёслам: одни научились шить, другие – вязать, третьи – ремонтировать обувь; некоторые из девочек приобрели профессию сестёр милосердия. А по субботам под звуки организованного американцами оркестра старшие колонисты крутились со своими подругами в танце. Но почему иногда глаза мальчиков тускнели, и они прятали взгляды, почему к утру подушки у многих девочек были мокрыми от слёз?.. Грустные мысли чаще всего наве-

Зарядка на Русском острове

Дача колонистов в пос. Тургояк.

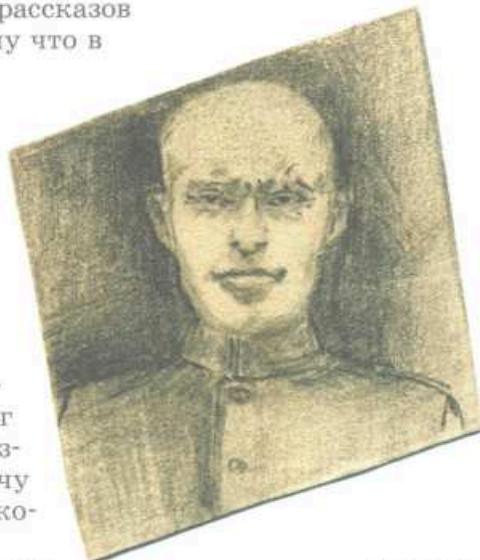
вали воспоминания о доме, о мамах и папах. Многие ребята ничего не знали о них уже долгие месяцы. В военное время почта работает плохо, письма через линию фронта вообще проходили чудом. Поэтому большинство детей ничего не знало о своих родных, оставшихся в Петрограде. Только некоторым детям повезло: их мамы или старшие сестры были с ними, потому что весной 1918-го они отправились на Урал в качестве воспитательниц и взяли с собой своих детей. Эти замечательные женщины делали всё, чтобы никак не выделять своих сыновей и дочерей, старались по-

книг по истории или из рассказов ваших учителей, потому что в двух словах об этом всё равно не расскажешь...

Райли Аллен оказался в очень трудном положении. Он обязан был подчиниться распоряжению правительства и вместе со своими сотрудниками покинуть территорию России. Но он не мог уехать, оставил на произвол судьбы почти тысячу детей, за которых он, конечно же, был в ответе.

И вот однажды Аллен собрал своих сотрудников и сообщил им о своём решении: петроградские дети будут отправлены к своим родителям, но поедут они не на запад, а дальше, на восток – и не по суше, а по морю...

Прошло совсем немного времени, и однажды в бухту Золотой Рог вошёл японский сухогруз с загадочным названием “Йомей

Портрет руководителя колонии представителя Американского Красного Креста Райли Алена

Футбольная команда колонистов. Владивосток. 1920 г.

дарить немного тепла и ласки каждому. Но этого было мало, все хотели поскорее попасть домой...

Однако военная и политическая ситуация складывалась так, что обратная дорога по Транссибирской магистрали была уже невозможна. А самое неожиданное – наступил день, когда деятельность Сибирской Комиссии Американского Красного Креста на территории России должна была прекратиться. Почему это произошло, вы можете узнать из

Мару”. Судно шло под японским флагом, но на трубе у него был нарисован белый прямоугольник с красным крестом посередине. На борту по-английски было выведено: “American Red Cross” («Американский Красный Крест»).

Этот корабль пришёл в порт Владивосток, чтобы доставить русских детей и их воспитателей к далёким берегам Балтики, в голодный Петроград...

Но как разместить тысячу человек на транспортном корабле?

ТОРА
(буквально – закон).
Так обычно называют
первые, основные
пять книг

T

Библии – Пятикнижие, заключающие в себе законы, данные Богом через пророка Моисея сыном израилевым. Иногда Торой иногда называют Библию в целом. Отрывки из Торы читаются в синагоге во время службы.

Тора специально переписывается на свиток, этот свиток считается священным (Кодеш) и хранится в синагоге в специальном ларе (Ароне) – Арон ха-Кодеш.

Персонал Красного Креста

ХАНУККА,
один из самых больших и
любимых праздников

X

еврейского народа.
Название праздника
происходит от выражения
«хануккот ха-байт» –
освящение (обновление)
первого Храма. Праздник
был установлен в эпоху
Иехуды Маккавея.
Ханукка отмечается в
месяцы кислев и тевет
(ноябрь-декабрь) и длится
восемь дней – столько
дней горела менора в
обновлённом Храме,
поэтому главное
действие и мицва
Хануки – зажигание
хануккальных свечей.

Ведь на нём были только каюты для капитана и его помощников, да кубрики для матросов. Но Аллен через своего представителя в Японии сумел организовать полную реконструкцию судна под особые нужды плавучего детского дома. В короткий срок были устроены спальные помещения с особой хитроумной вентиляцией, лазарет, изолятор, кухни, столовые, туалеты и душ, помещения для хранения продуктов и инвентаря, даже комнаты для занятий и игр. Каждый ребёнок получил спасательный пробковый пояс. На борту приготовлены спасательные шлюпки, а в каждой шлюпке – неприкосновенный запас продовольствия. Естественно, как только юные пассажиры разузнали о наличии в шлюпках «Н3», то жестяные банки с шоколадом и сгущённым молоком вскоре благополучно перекочевали из шлюпок под койки некоторых особо активных юных путешественников.

Но прежде, чем это произошло, была долгая процедура посадки со всем накопившимся за два года странствий скарбом. Чтобы и в этот раз, и в дальнейшем не было путаницы и неразберихи, каждый ребёнок получил медный жетон на шнурке с выбитым на нём порядковым номером. Подниматься на борт нужно было в строгом соответствии с номерами. Если какого-то номера не хватало, сразу становилось ясно, кто отсутствует, и начинались поиски зазевавшегося пассажира.

На рассвете 13 июля 1920 года «Йомей Мару» подала прощальный сигнал и взяла курс на запад. Большинство ребят – да и взрослых – впервые оказалось на борту огромного судна в открытом море.

Первая остановка была в порту Муроран на острове Хоккайдо. Здесь предстояло загрузиться углём и некоторыми продуктами.

Пока происходила погрузка, детям разрешили сойти на берег, и они стали гостями юных жителей Мурорана. Приём был замечательно подготовлен. Японские школьники устроили большой концерт в честь русских ребят. И наши герои тоже не подкачали: хор девочек исполнил несколько русских песен, вызвавших искренний восторг у слушателей, которые, конечно же, не понимали ни слова из того, о чём пели эти белолицые русоволосые красавицы из далёкого неведомого им города с трудным названием Петроград...

Ребята возвращались на борт своего плавучего дома полные впечатлений от встречи с японскими сверстниками, одаренные сувенирами и сладостями.

И вновь потянулись дни за днями. Затерянная в огромном океане, «Йомей Мару» шла четко намеченным курсом. Множество больших и малых, весёлых и не очень, происшествий не давали ребятам скучать, а любимый ими оркестр каждую субботу неутомимо играл для любителей потанцевать, недостатка в которых никогда не было...

И вот «Йомей Мару» подошла к берегам северо-американского континента и бросила якорь в городе с красивым названием Сан-Франциско. Приём, оказанный гостям местными властями и простыми жителями, был просто сказочным. Все стремились увидеть русских детей, поговорить с ними, подарить им что-нибудь, устроить для них концерт или экскурсию, пригласить в гости. Многих мальчиков и девочек угощали пойти в сыновья и дочери в местные семейства, в том числе очень богатые. Сулили кра-

сивую и обеспеченную жизнь, любовь и ласку приёмных родителей. Но, насколько нам известно, никто не согласился променять надежду на возвращение к своим настоящим родителям на возможность уже завтра оказаться счастливым обладателем множества заманчивых прелестей и удовольствий...

Газеты посвящали целые развороты детям из далёкого Петрограда. Различные политические группировки до драки спорили друг с другом относительно будущего, которое ждало этих детей в большевистской России. А в это время в Главном штабе Американского Красного Креста решалась судьба мальчиков и девочек, так стремившихся поскорее попасть в родной город, о котором многие американцы рассказывали им ужасные вещи. Голод, холод, разруха, преследование по социальному признаку – всё это так ярко описывали некоторые жители Сан-Франциско, уговаривая детей остаться в Америке, что можно было подумать, что эти люди сами только вчера вернулись из Петрограда...

Политика, как всегда, вмешивалась в жизнь, и однажды ребята узнали, что их собираются отправить не в Россию, а во Францию, чтобы там оставить на неопределённый срок, пока не улучшится ситуация у них на родине.

Как реагировали старшие ребята на это сообщение и что они сделали, чтобы таким планам не суждено было свершиться, всё это отдельная – большая и увлекательная – история. Скажу только, что одним из героев этой истории был мальчик Юра Заводчиков, который к тому времени стал уже юношей и, наверно, даже начал брить усы.

Тем временем "Йомей Мару", пройдя шлюзы Панамского канала, очутилась в Атлантическом океане и вскоре бросила якорь в одном из самых удивительных городов мира – Нью-Йорке.

В Нью-Йорке ребята увидели множество разных чудес. И Статуя Свободы, и невиданной высоты "скребни неба" (так остро-

умно перевёл слово "небоскрёб" М. Горький), и грандиозные мосты через Гудзон, и шумные, забитые транспортом улицы, и пугающий подземный мир нью-йоркского метро – всё это так поразило воображение путешественников, что они на время забыли о своих проблемах...

Но всё когда-то кончается. Закончилось и пребывание петроградских детей в Соединённых Штатах Америки – на родине тех людей, которые вот уже больше года заботились о них, благодаря которым они были не только сыты, одеты и обуты, здоровы и веселы, но сумели увидеть мир и не теряли надежды в скором времени обнять своих родителей. Но как бы ни соскучились за время работы в Сибирской Комиссии Красного Креста её сотрудники по своим домам и семьям, некоторые из них согласились продолжить путешествие вместе с детьми, чтобы до конца выполнить свой долг – передать детей российским властям. Конечно же, руководитель экспедиции Райли Аллен и его ближайшие помощники тоже продолжили путь на "Йомей Мару".

Несколько дней, проведённых во французском порту Бресте (во Франции тоже есть город Брест), затем Кильский канал со шлюзами, который уже не показался столь интересным после Панамского – и вот "Йомей Мару", оставив позади более 26 000 километров, бросает якорь в Хельсинки – столице незадолго до этого получившей независимость Финляндии. До дома рукой подать. Всего 340 километров – ничтожное, по сравнению с проденным, расстояние отделяет путешественников от заветной цели. Но чтобы переправить детей че-

На борту Йомен-Мару

Статуя Свободы.
Нью-Йорк

Казарма в форте
Водсворт Нью-Йорк, где
разместили колонистов
в сентябре 1920 года

Объявление в русской
газете «Русский голос»

Бренча губашников, напечатаны | ждут про
О-ВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ
устраивает
грандиозный
Массовый Митинг
в Медисон Сквер Гард
в четверг, 2 сентября, в 8 ч. ВЕЧЕРА
Выдающиеся ораторы об яснит настоящее положение
Советской России.
Вход 30 центов. Билеты продаются заблаговре
Биржевого Голоса».

рисунки
Вали Роговой

рез границу, нужно не только получить разрешение властей обеих стран, но убедиться в том, что каждого ребёнка кто-то действительно встретит в Петрограде, что у него есть семья, дом, родные. Ведь чего только не могло случиться за эти годы!

Однако финская земля встретила граждан своей страны-соседки вовсе не столь гостеприимно, как встречали их в Японии и особенно в Америке. Не приходили толпы восторженных жителей в порт, чтобы принести детям цветы, игрушки, фрукты или хотя бы просто подарить улыбки. Вереницы экскурсионных автобусов не ждали их на городской площади, чтобы везти осматривать достопримечательности, газеты не помещали фотографии «Йомей Мару» с сотнями детей, облепивших палубу.

Райли Аллен был в замешательстве. «Йомей Мару» и так оставалась в распоряжении Красного Креста дольше, чем было оговорено в контракте. Каждый лишний день стоил огромных денег. Но кроме корабля, детям nowhere было больше разместиться.

Наконец удалось получить разрешение на проживание детей до перевозки через границу в бывшей Императорской санатории (как тогда говорили) Халила, который теперь принадлежал Финляндии. Несколько осенних и зимних месяцев провели в санатории ребята, где так же, как и раньше, продолжались школьные занятия, а по субботам устраивались танцы. Но мысли у всех были теперь уже только о доме. Но ещё и о скором расставании с друзьями, а для некоторых — с «предметом» своих тайных или явных влюблённостей.

Возможно, именно там, в Халила, возникли романтические чувства между повзрослевшими Олей Копосовой и Юрий Заводчиковым. А может быть, это случилось ещё раньше. Сегодня я уже не могу спросить их об этом. Да это и не так важно. Важно то, что в декабре 1920 года и Юра, и Оля со своей сестрой Женей, и другие ребята, которые привыкли назы-

вать себя «колонистами» (потому что всё начиналось с поездки в Детскую воспитательную колонию), в последний раз сказав «спасибо» своим американским спасителям, пересекли советско-финскую границу, проходившую по реке Сестре в районе посёлка Белоостров, и вновь ступили на родную землю. Путешествие длиной в 2,5 года и 36 000 километров закончилось.

А через пять лет Ольга Копосова стала Ольгой Заводчиковой, потому что вышла замуж за своего старого друга — товарища по кругосветному путешествию Юрия. Вскоре у них родилась дочь, которая ещё через четверть века стала моей мамой.

Незадолго до конца полного драматических событий двадцатого века родился мой сын, получивший имя Юрий, в честь своего прадедушки, приключения которого на суще и на море — часть нашей семейной истории. Но это и часть большой истории — истории Петербурга, истории России. Это и часть мировой истории, потому что если бы добрые и благородные люди разных национальностей, граждане разных стран не пришли когда-то на помощь совсем чужим для них русским детям, кто знает, как сложились бы судьбы этих детей и судьба их потомков...

Конечно, эта история весьма необычная. Такое случается с очень немногими и крайне редко. Но в каждой семье есть своя, пусть не такая масштабная, но всё равно очень значимая и интересная история. А изучая историю своего рода, вы обязательно многое узнаете не только о своих близких, но и о своём городе, о своей стране. А когда узнаете, обязательно полюбите их ещё больше.

Вот и всё, что мне хотелось вам рассказать. И если, прочитав эту статью, кто-нибудь из вас обратится к своим родителям, бабушкам и дедушкам с вопросом — где и как они когда-то познакомились, я буду считать, что сумела положить свой маленький камешек в огромное и прекрасное здание, которое называется **ЛЮБОВЬ**.

Колонистский оркестр

ДЫЛДА

АННА БОГАЧЁВА

1. МАРТИН ЭВАНС, ДЖУЗЕППЕ МАРЧЕЛИНО И СЕМЁН СЕРГЕЕВИЧ ВОСКОБОЙНИКОВ.

Очень трудно начинать историю, если не знаешь даже имени главного героя. Можно, конечно, подойти, спросить: мол, меня зовут Никита Фиолетов, а вы, извините, кто? Наш герой тут же заподозрит неладное, назовет какое-нибудь вымышленное имя, а в доказательство еще и фальшивый паспорт предъявит (у него дома огромная куча поддельных документов). Семён Сергеевич Воскобойников, Джузеппе Марчелино, Мартин Эванс – выбирайте, что нравится.

Мне лично нравится Джузеппе, хотя Мартин Эванс тоже неплохо, да и Сёмен Сергеевич хорошее имя – ничего особенного, но звучит приятно. Пожалуй, я буду пользоваться всеми этими именами по очереди. Вы только, пожалуйста, не путайтесь и имейте в виду, что речь всегда идёт об одном и том же человеке.

Близкие знакомые Семёна Сергеевича называют не иначе как Дылдой. Ума не приложу почему. Росту он среднего, если не сказать мелковат. Наверное, это прозвище приклеилось к нему ещё в детстве. Он, возможно, был крупным ребёнком. А может, Дылдой его зовут в насмешку. Хотя мне как-то не очень смешно.

Главное, что сам Джузеппе на это не обижается – привык за столько-то лет. Кстати, сколько ему лет в точности, никому не известно. Даже ему самому. Дело в том, что в детстве его украли. Утащили прямо из колыбели, пока матушка пила чай с молоком на кухне.

Однако с теми ворами он прожил недолго, приблизительно до тех пор, пока ему не надоело гулять во дворе, и он впервые не вышел за ограду. Тогда его снова украли (подманили конфеткой) другие воры. Что поделаешь, видно, судьба такая.

Когда человек с пелёнок видит перед собой одно воровство, то нечего удивляться, если рано или поздно он сам сделается вором. Очень хорошим вором. Только что же тут хорошего – быть вором? Нет, хорошим его не назовёшь. Скажем так, Дылда был очень ловкий, может быть, самый ловкий на свете вор.

Он жил на окраине города в небольшом, но очень уютном железнодорожном вагончике, разумеется, ворованном. Вы себе представьте: ночь, вагон полон спящих пассажиров, стоянка всего две минуты... И ему этого хватило! Ловкие воры никому не выдают своих секретов. На все расспросы дружков-приятелей Мартин Эванс только загадочно

покрякивал да подкручивал накладные усы.

Мебель, книги, посуда, холодильник и всё, что в нём – было ворованное. Жил Джузеппе ни богато, ни бедно. Он не был жадным и воровал ровно столько, сколько ему было нужно для нормального существования.

Чего он старался никогда не красть, так это денег. Они ему были не нужны. Ну, слушайте, украл бы он денег – что ему с ними делать? Идти в магазин, тратить? Но зачем вору расплачиваться за покупки, когда всё, что ему понравится, он может просто украсть? Если он начнёт платить продавцу деньги, какой же он тогда вор? Вот поэтому денег Джузеппе не воровал, а если они ему случайно попадались, он ужасно огорчался и старался поскорее от них избавиться. Подсовывал их прохожим в карманы, сбрасывал по ночам в ящики для газет – и всё это незаметно, он ведь был очень ловким.

2. ШМЫГА.

Однажды, сидя за ворованным столом на ворованной табуретке и помешивая ворованный сахар в ворованном стакане ворованного чаю ворованной ложечкой (ложечки воровать проще всего, с этого обычно начинают), Мартин Эванс вдруг понял, что очень одинок. Тогда он решил завести кошку. «Завести» – читай – «украсть».

Два дня он присматривал подходящего, а на третью ночь украл котёнка у одной пожилой дамы. Пожилая дама не очень расстроилась, когда не досчиталась утром маленькой чёрной кошечки. Всего у неё в доме жили четыре взрослых кошки, которые постоянно плодили котят, то по очереди, а то и все разом.

Семёну Сергеевичу эта кошечка приглянулась сразу. Может быть, потому, что у неё на лапках были белые кончики (словно перчатки, чтобы не оставлять отпечатков), может, её синие глаза ему понравились, а может, просто сердце подсказало. Характер у котёнка был весёлый и пронырливый. Через две недели он украл со стола кусок колбасы и ушмыгнул с ним под диван. «Ну и Шмыга! – воскликнул Семён Сергеевич, – увлёк колбасу прямо у меня из-под носа!»

И зажили они душа в душу – вор Дылда и кошка Шмыга, которая, конечно, тоже стала воровкой, потому что с тех пор, как у неё открылись глазки, она видела перед собой одно воровство.

3. ДЫРКИ.

Джузеппе лежал на ворованном диване и покуривал ворованную трубку, задрав в потолок ноги (свои – не ворованные). На них были ворованные носки синего цвета, на пятках ворованных носков были дырки, которые, пожалуй, тоже можно считать своими.

«Ну вот, опять пора новые носки воровать», – подумал Джузеппе и покрутил голой пяткой.

Украсть носки никакого труда не составит, с этим справится и новичок, что уж говорить о человеке, которому по плечу железнодорожные вагоны. Воровство носков – дело скучное и занудное. Он вздохнул: никакой тебе романтики.

«А вот бы мне их кто-нибудь зашил, – размечтался Семён Сергеевич, – заштопал бы, что ли, залатал, починил... или как там у них это называется?»

Сам Семён Сергеевич шить не умел совсем – таланта не было. Когда-то, ещё в молодости, он специально украл себе иголку, нитки и целых десять напёрстков. Он надел по напёрстку на каждый палец и стал вдевать нитку в иголку. За дело он принял сразу после завтрака, просидел до самого обеда – ничего у него не вышло. Сгоряча он плонул, сломал иголку, выбросил нитки, расшвырял по всему вагону напёрстки... Они до сих пор там валяются в разных углах. Шмыга находит их и гоняет по всему вагончику, только шум стоит. Наверное, напёрстки кажутся ей мышками или чем-то в этом роде.

«Эх, несчастный я человек, – подумал Мартин Эванс, – некому обо мне позаботиться. Вот была бы у меня мама (а ещё лучше бабушка), уж она-то бы не допустила, чтобы её сын (а тем более внук) жил с дырявыми пятками. Дылда представил себе, как в двух креслах-качалках сидят друг напротив друга его мама и бабушка, у каждой в руках по носку и иголке с ниткой. От такой красоты он аж прослезился.

— Я найду тебя, мама! Бабушка, и тебя я тоже найду! – он вскочил с дивана, у него в голове уже созревал план будущих поисков.

4. КОНСПИРАЦИЯ.

Для начала Мартин Эванс решил записаться в библиотеку. Он взял с собой документы как раз на это самое имя, а чтобы выглядеть интеллигентно, почистил перед уходом зубы и ботинки (разными, конечно, щётками) и нацепил на нос ворованные очки. Их он стырил у своего приятеля-вора, вовсе не из-за плохого зрения, а просто так, ради шутки. А тот приятель, тоже ради шутки, стырил их у своего дедушки. А тот дедушка был такой старенький, что шуток уже не понимал, у него был склероз, и он решил, что, наверное, забыл где-то свои очки. А потом он забыл об очках, а совсем скоро забыл и о внучке – старенький дедушка.

Мартин Эванс шёл медленно, неуверенной походкой. Дорога за стёклами очков расплывалась, деревья выглядели большими зелеными тучами, пожилые дамы – маленькими серыми тучками, а молодые девушки – разноцветными облаками. Дылда шагал осторожно, стараясь не врезаться ни в одну тучку и не налететь ни на одно облачко.

О том, чтобы снять очки, не могло быть и речи. «Надо – значит надо! Дело прежде все-

го!» — повторял про себя Дылда. Наконец он вошёл в библиотеку.

— Здравствуйте, мне нужны старые газеты, — сказал Мартин Эванс и предъявил документ.

— Архивный отдел по коридору направо, — ответила девушка-облачко. Увидев, как любитель старых газет чуть-чуть не врезался в дверной косяк, она предложила проводить его прямо до места.

— Спасибо, я сам, — поблагодарил странного посетителя.

Получив толстенную подшивку газет, он сел за столик и включил лампу.

5. ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ.

Незаметно выглядывая из-под очков, Мартин Эванс убедился, что за ним нет слежки, тогда он всё-таки снял очки и стал внимательно изучать газеты. Он искал объявления о пропаже детей.

— Любой нормальный родитель, не обнаружив на месте своего ребёнка, сначала поищет его под кроватью, потом в шкафу, потом в коридоре, потом пробежится по огороду (если есть у него огород), а потом, конечно, даст объявление в газету, — так рассуждал Дылда.

Он не знал своего точного возраста, поэтому решил просмотреть все газеты, выпущенные 40-45 лет назад. Выяснилось, что в ту далёкую пятилетку в городе пропало 14 детей. Джузеппе начал сверять особые приметы.

«Пропал ребёнок с очень пухлыми щеками...»

— Не то, — замотал головой Дылда. Щёк у него не было совсем. То есть, были, конечно, но такие худые и втянутые, что пухлыми их невозможно представить даже в детстве.

«Нос конопатый, волосы рыжие...» — это уже про другого.

— Ух ты! — вскрикнул Дылда и тут же оглянулся, но никто не обратил на него внимания. Он пригладил на затылке остатки своих рыжих волос.

«Глаза зелёные...»

— Всё сходится... — у Джузеппе задрожали руки.

«... была одета в красное платьице... в руках... кукла...»

— Вот тебе на!.. — растерялся Джузеппе. — Это что ж такое? При чём тут кукла?

Сам он хорошо помнил, что в детстве точно был мальчиком, и никаких кукол и красных платьев у него не было.

— Значит, это всё-таки не я, — спокойно решил Мартин Эванс. Ему ещё рано было терять надежду, перед ним лежало целых двенадцать непрочитанных объявлений.

Чтобы не было больше путаницы, он решил действовать методом исключения. Вначале он исключил всех девочек — сегодня они его не интересовали. Потом исключил мальчиков —

блондинов, брюнетов и лысеньких. Потом он вернул одного лысенького обратно, потому что глаза у мальчишки были зелёные, а рыжие волосы могли вырасти и позже. Круг сужался. В итоге у него осталось всего два объявления:

1. Пропал мальчик, возраст 7 месяцев, волосы рыжие-кудрявые, глаза зелёные-хитрые, ручки цепкие-крепкие, характер тихий-спокойный. Гарантируется вознаграждение. Пожалуйста, верните, мама очень волнуется.

2. Пропал мальчик, возраст 5 месяцев, голова лысая-круглая, голос громкий-писклявый, глаза зелёные-грустные, характер нервный-обидчивый. Лучше верните, вы с ним замучаешьесь.

Во втором объявлении про вознаграждение не было ни слова, может быть, поэтому, а может, по чему другому, только первое объявление нравилось Мартину куда больше.

— Какое-то вознаграждение? — думал Дылда. — Интересно, оно с годами увеличилось или уменьшилось?

Из газет с этими объявлениями он скрутил две тоненькие трубочки и спрятал их — одну в правый, другую в левый рукав пиджака. Остальное он вернул библиотекарю и, забыв попрощаться и надеть очки, без всякой предосторожности рванул к себе домой.

Дома он рассказал обо всем Шмыге. Кошка слушала его внимательно, а потом обнюхала обе газеты.

— Думаешь, который из них я? — с волнением спросил Дылда.

Кошка вздохнула, вопрос был не из легких.

— Ничего, завтра мы это выясним, — пообещал он. Втайне, в душе, ему очень хотелось оказаться тем спокойным кучерятым мальчиком, у которого мама волнуется. Но он, как взрослый человек, допускал и другую возможность. Неважно, что голос противный и характер нервный, а важно, что родители все же дали объявление в газету — значит, они любят и ждут своего сына.

6. НОЧЬ.

Вечером Мартин Эванс долго не мог заснуть. У него перед глазами мелькали разные тучки, облака и пожелтевшие страницы старых газет. Во сне ему приснилась лысая девочка в красном платье, в руках она держала пухлощёкую куклу с писклявым голосом, глаза и у девочки, и у куклы были грустные, но зелёные. Мартину снилось, что эта кукла и есть он сам, а глупая лысая девочка вот-вот его поглотит. Он хотел уцепиться пластмассовыми руками за её красное платье, но кукольные пальцы не гнулись, а торчали в разные стороны. Он хотел закричать, но вместо этого только беззвучно открывал рот. Он звал её: «Мама! Мама!» — но звук не шёл. Он старался изо всех

сил и наконец услышал противное писклявое «ма-а-а!»

Это кричала Шмыга. Она уже давно наблюдала, как мечется во сне её хозяин. Воровской сон вообще беспокойный. Работа такая. Но сегодня Шмыга так испугалась, что решила на всякий случай пораньше разбудить Дылду.

Семён Сергеевич сел на кровати, потряс хорошенько головой, чтобы разогнать остатки кошмара.

— Шмыга, Шмыгочка, иди сюда, киса моя, — он погладил кошку, и нервы у него успокоились. Они позавтракали, привели себя в порядок и ещё раз перечитали объявления. Вначале Семён Сергеевич решил отправиться по первому адресу.

— Там все-таки мама волнуется, поэтому я пойду сначала туда, — объяснил он кошке. Кошка не возражала.

7. ТОЛСТЫЙ ФИЛ.

Он шёл пешком, ехал в автобусе, снова шёл пешком; когда он остановился перед нужным ему домом, его охватила робость. С одной стороны, ему не терпелось поскорее найти, а с другой — он боялся ошибиться. Конечно, у него был в кармане ещё один адрес, но идти туда ему не очень хотелось.

Пока он так стоял, пытаясь взять себя в руки, из-за угла выехала полицейская машина. Мартин Эванс надвинул на нос шляпу, наклонился и стал делать вид, что завязывает шнурок. Он предпочитал не встречаться лишний раз с полицейскими. Ему пришлось и в самом деле развязать и завязать свои шнурки, он ждал, когда машина уедет. Но вместо этого она остановилась напротив и просигналила. Потом из машины вылез Толстый Фил (так называли этого полицейского дружки-приятели Семёна Сергеевича). Толстый Фил был одним из тех, кого Дылда особенно недолюбливала. Он уже упёк в тюрьгу нескольких Дылдиных дружков и теперь охотился на самого Семёна Сергеевича. Поговаривали, что у него просто нюх на преступников.

Толстый Фил посмотрел вокруг и втянул ноздрями воздух.

— Пирог с рыбой, — облизнувшись, сказал он.

— На еду у тебя нюх получше, чем на преступников, — усмехнулся Джузеппе и пошёл проверять второй адрес.

8. КОВРИК.

Дом, указанный во втором объявлении, показался ему странно знакомым. Он как будто уже бывал здесь. Джузеппе поднялся на крыльце, позвонил в звонок и хотел было вытереть ноги, но... коврика не было. И тут он вспомнил всё.

— Как же я мог забыть! — хлопнул себя по лбу Джузеппе. — Да ведь я и украл отсюда этот

коврик, чтобы сделать теплую подстилку для Шмыги.

В первый раз за много-много лет Семёну Сергеевичу стало неловко за свой поступок. Какое-то незнакомое чувство шевельнулось в его душе, он вдруг чего-то испугался и даже захотел убежать — так ему было не по себе. Но в это время из-за двери послышался голос:

— Кто там?

— Я п-п-по объявлению, — заикаясь, ответил Дылда.

Дверь открылась, на пороге стоял мужчина, он был один, глаза у него были грустные и зелёные.

— Вы насчет коврика? — нервно спросил хозяин.

— Н-н-нет, — сказал Джузеппе и покраснел.

— Представляете... нет, вы себе представьте! Лежал, значит, коврик — ноги вытирали... А теперь что? — рассказывая это, хозяин всё время повышал свой и без того высокий голос.

— Я дал объявление в газету. Только ведь они не вернут. Не вернут, нет? — с надеждой спросил лысый. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Может, и вернут. Даже обязательно вернут, — постарался успокоить его Джузеппе, а про себя решил сегодня же ночью подложить коврик обратно, тем более, что Шмыга на нём все равно не спит, а спит где угодно, но не на коврике: в шкафу, в буфете, на подушке, а особенно часто в пододеяльнике...

Джузеппе достал газету с объявлением о пропаже ребёнка и протянул её лысому:

— Это ваше?

Лысый прочитал и сказал:

— Ах, вот оно что, — а потом недовольно добавил, — и чего вы от меня теперь хотите?

— Я хочу узнать, нашёлся ли мальчик?

— Нашёлся и очень быстро. Меня вернули ещё до того, как вышел этот номер с объявлением. А в карман положили записку: «Ваш малыш так орёт, что придётся нам подыскать другого». Не понимаю, почему вы сейчас об этом вспомнили, я-то думал, что вы насчёт коврика...

— Насчёт коврика не беспокойтесь, я попытаюсь что-нибудь сделать, — сказал Мартин Эванс, поклонился и вышел.

Теперь у него не было сомнений в том, что он и есть тот самый другой мальчик, которого пришлось подыскать ворам. Теперь он не сомневался в том, что это возле дома его родителей пахло вкусным пирогом с рыбой. Теперь он знал, что он и есть тот замечательный кудрявый рыжий мальчик, и это о нём очень беспокоила его дорогая мама. На душе у него посветлело, вот только... насчёт коврика... остался неприятный осадок.

9. СЧАСТЛИВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Он снова приблизился к дому своих родителей. Теперь он решил действовать без промед-

ления, пока какой-нибудь Толстый Фил опять не испортил его счастливое возвращение. Он позвонил, дверь открыла милая седая дама.

«Здравствуй, мама, я вернулся», — хотел сказать Дылда, но слова застряли у него в горле. Он молча протянул маме газету и заплакал.

«Дорогой сыночек, — она сразу его узнала, — я всю жизнь тебя ждала!» — хотела сказать мама, но тоже не смогла и тоже заплакала, утирая слёзы старой газетой.

Прибежала бабушка, они обнялись и долго стояли так втроём. Потом они вдруг заговорили все разом. Мама рассказывала о том, как скучала все это время бабушка, а бабушка — о том, как переживала мама.

Дылда сказал, что тоже очень скучал, и что у него есть кошка Шмыга, и можно ли её сюда привести?

— Конечно, конечно, — сказали мама и бабушка, — приведи её сюда, дорогой Филипп.

— Филипп? — переспросил Дылда, — значит, меня зовут Филиппом?

— А ты разве не знал? — удивились мама и бабушка.

— Нет, — ответил Филипп, — он уже начал привыкать к своему новому, то есть, хорошо забытому имени.

— Филипп Дылдинг, — сказала бабушка, — точно так же зовут...

В дверь позвонили.

— А вот и он, — улыбнулась мама, — мы назвали его в твою честь.

В комнату вошёл Толстый Фил. Он недомолвенно уставился на Филиппа Дылдинга, а потом захочтал, потирая руки от удовольствия:

— Сам пришел? — удивился Толстый Фил.

— Сам, сам, — подтвердили мама и бабушка, — умничка ты наша, сам нашёлся, сообразил, — бабушка потрепала Филиппа за щеку.

— Я не знаю, что вы имеете в виду и чему вы радуетесь, но перед вами опасный преступник, вор Дылда, он же Джузеппе Марчелино, он же Мартин Эванс, он же Семён Сергеевич Воскобойников. Вы имеете право хранить молчание, всё, что вы скажете, может быть использовано против вас... — затараторил Толстый Фил.

Бабушка всплеснула руками, а мама загородила собой вновь обретённого сына.

— Что ты, что ты, Филипп! Это же твой брат! — закричала мама.

— Не может быть, — пробормотал Филипп Дылдинг.

— Не может быть, — повторил Толстый Фил.

— Немедленно извинись, ты ошибся, — потребовала у Толстого Фила бабушка.

— Нет, бабушка, он не ошибся, я действительно вор, — признался Филипп.

— Какой позор! — снова всплеснула руками

бабушка (бабушки вообще очень часто всплескивают руками).

— Какойстыд, мой брат оказался вором, — сказал Толстый Фил.

— Мы не должны его осуждать, — сказала мама. — У мальчика было несчастное детство, с тех пор, как он пропал, его окружали одни воры.

— Сначала одни, потом другие, — уточнил Филипп, — меня украли два раза.

— Тем более, — сказала мама, — перед ним просто не было достойного примера. А теперь он всё осознал. Ведь правда?

— Ну, кажется, что-то такое... да... — промямлил Дылда.

— Вот и славно, тогда пойдемте чай пить, — сказала бабушка, — я пирог с рыбой испекла.

За столом два Филиппа Дылдинга поглядывали друг на друга с недоверием.

— А ты не убежишь? — спросил толстый.

— Нет, — сказал худой, — не для того я вас разыскивал, чтобы вот так убежать.

— Что же мы будем делать? — спросил толстый. — Нам, полицейским, не положено распивать чай с преступниками.

— А ты посади меня в тюрьму, — сказал Дылда и засмеялся.

И мама засмеялась, и бабушка, и Толстый Фил:

— Это как же? Я — родного брата? Да ведь это просто смешно!.. Хотя... Вообще-то, если учесть явку с повинной, чистосердечное признание и неоценимую помощь следствию, срок тебе дадут небольшой. Тем более, я слышал, что ты никогда не воровал денег.

— Да, это так, — скромно ответил Дылда.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Филипп Дылдинг, одетый в тюремную форму, сидел на тюремной кровати и смотрел на тюремные часы. Каждый день ровно в два ему приносили передачу. Сегодня к свёртку было прикреплено короткое письмо: «Дорогой Филипп, у нас для тебя новость. Шмыга родила трёх хорошеных котят. Как мы их назовём? Напиши ответ. Твой брат говорит, что совсем скоро тебя выпустят на свободу. Мы все тебя любим и очень скучаем». Он развернул сверток. Там был большой кусок пирога с рыбой и пара носков с аккуратнейшими заплаточками на пятках.

Филипп Дылдинг съел пирог, надел носки и улегся на тюремную кровать, задрав в потолок ноги. Он смотрел на свои заплатанные носки и думал, что не променяет их и на три дюжины новых. А котят надо назвать так: Джузеппе Марчелино, Мартин Эванс и Семён Сергеевич Воскобойников.

КОНЕЦ.

И. ВОЕВОДСКИЙ

вырезашки

или
все дети
талантливы

Полиграфия № 83042

